

часть I 1909 - 1922

теория и практика
ИЗРАБАТ

СУМЕРКИ N 10 + I

к 80-летию издательского **АВАНТИСМА**

Платье доме

от Крой

в

середине

читай

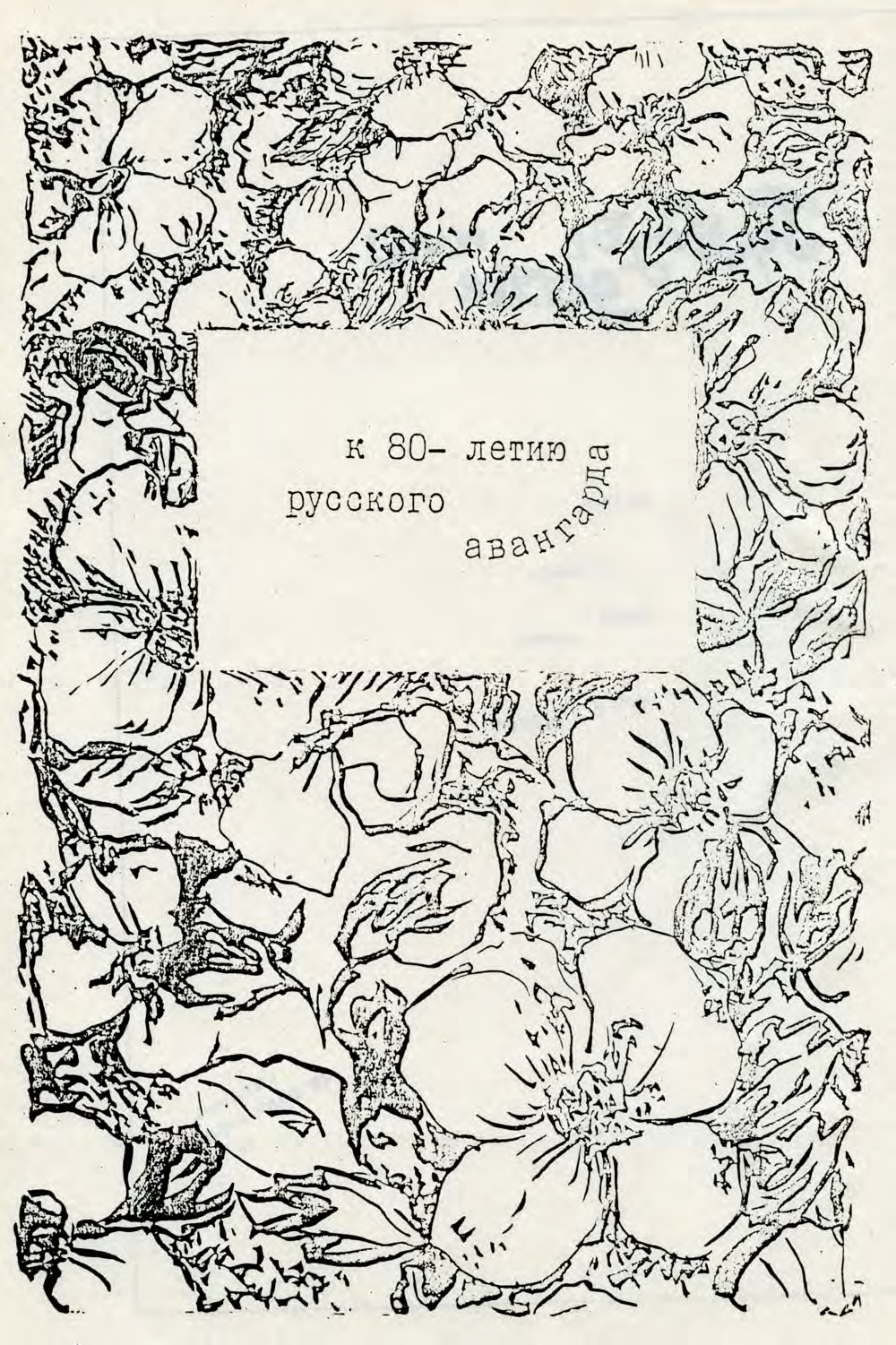
налево

А

по то м

на Право

читатель
НЕ ЛОВИ ВОРОН
1*

к 80-летию
русского
авангарда

назЫвание - Борис Ко ест фактор,

составление - Алексей Гурьянов и
Арсен Мирзаев,

оформление и макет -

Елена Иванова

при участии

Александра Клопова.

Геннадий Айги

Крч-80

/К 80-летию А.Е.Крученых/

о есмь
твоя поверхность
горящая невидимо
от соприкосновения не-есмь -

хрустит
поэту имя создавая:

крч

крч

крч

9 февраля 1966

Заумники

А. Крученых

Г. Петников

В. Хлебников

Г. Петников вводит в свои стихи словечко **впч** (в значении сыновник, сынск, сыночество) У обоих неологизмы русского характера: мнск, гремя, омысл, алнь, оутро, младуга—мледуга (а еще бы: сладуга—радуга (бай,—баюн—живь, слсток огней, дивеса, живеса—это Петников, а вот Хлебников: яреса, равеса, гненеса, дееса, летеса (=полеты; летчик—ца лйтец, лйтица), и еще леуна (хорошо бы по этому образцу: пеуна—песня; гнеуна, деуна, млеуна, влеуна).

И еще: она—синезная негура...
нераскачанных хохочества
кинъ злвоку губирию

белым медведем рассыпается Хлебников; Петников—
грЕмя громоздит, гремит в горах:

И в горло го как в горнее легко...

И мнск небывалого тора...

— Гортанный гык!.. „Гор закипели стада“!..

Стихи сплошь на заумном языке имеются главным образом у меня, И. Зданевича, Алягрова, И. Терентьева, Варст и О. Розановой.

Вот из неизданных поэм Р. Алягрова:

кт.веств мгл зл ль яс не зр. возсловов отпр. бездн
возслов тпо ум. мч. жд. спас шкни рласп моаги тш
пулюкала нѣ ѣш щ || чтоб лет шу = лет бац при-
вязахсь бипл. О пудофут. | бив сткл сим сквзин
заби. гол бипл-ом (бо сквозн. унося женск. остав.
бип лишь извлек словов)

Вел'и'и' Величайшет! Грандиозарь!

Кружиться
он ч. еных

Лет груз безопаси — мирели пустели X ветшина X
сам X сквозни А я у ея На бипл. ака сика ль извед.
квозика полициялая звени лая дрожа-а N B. к чему
но слез строточна коль антитез весел легк мертв
петль...

Вот заумь О. Розановой из ее книги „Превыше всего“:

„А. Клементина!

Уважъ ат места
Твой чарный кварум
Горит якмисто!
Диванье море
Уваег марем
Играэ зваег
О
К
Марэм
Чарем!..“

К чему ведет заумный язык?

По языку, например, Р. Якобсона („О новейшей поэзии“, выпуск I) русская поэзия, в частности—В. Хлебников, „стремится к своему пределу—к эвфоническому слову, к заумной речи“, т. е. звучание, фонетика, эвфоника—главное, смысловое значение—приглушается;

а между тем страницей раньше приведено заявление В. Хлебникова, что главной его задачей является вскрыть и создать новый всемирно-заумный язык, на основах математических и поэтических,—как видите заумники хватают куда выше эвфоники (и почему такой старенький термин? И разве непременно сладкогласие? А если горькогласие или просто злоглас, дыр-бул-щыл?)

И неужели все под и над-умное в языке ограничивается звоном? Откуда это взял почтенный ученый?

Хлебников стремится к угадыванию пракорней—отдельных букв, а все заумники—к угадыванию и выявлению, проэцированию на экран стихов, еще темных небосознанных психо-физических рядов—ритмов, образов, звуков, и проч. и проч.

Не только звук, а именно рассказ обо всем, что должно быть обнаружено без слов...

Тут Р. Якобсон чего-то не договорил, а жаль, п. ч. основная мысль его работы очень важная: наука о литературе есть наука о приеме, он — ее единственный герой!..

В 1913 г. я приказал признать существование особого заумного языка и теперь кто станет отрицать это? В настоящее время я даю приказ: знать, что существует особая поэтическая школа—заумная, являющаяся пределом поэзии, дающая спасение всем школам гниющим от безносой тенденциозности и перещур носатой, кроваво-помосной, сюжетности!..

Жльч!

Москва 1921 г.

А. Крученых.

5) Заумь пробуждает и дает свободу творческой фантазии, не оскорбляя, ее ничем конкретным. От смысла слово сокращается, корчится, каменеет, заумь же дикая, пламенная, взрывная (дикий рай, огненные языки, пылающий уголь).

7) Заумь—самое краткое искусство, как по длительности пути от восприятия к воспроизведению, так и по своей форме, например: Кубон (Гамсу), Хо-бо-ро и др.

8) Заумь—самое всеобщее искусство, хотя происхождение и первоначальный характер его могут быть национальными, например: Ура, Эван—эвое! и др.

Заумные творения могут дать всемирный поэтический язык, рожденный органически, а не искусственно, как эсперанто.

Баку—1921 г.

Декларация
Заумного Языка

Первый тезис этой декларации внят без изменения из моей же „декларации слова как такового“ опубликованной в 1913 году, он является основным для теории зау.

Уже в настоящее время в заушной поэзии можно отметить три главных вида:

- 1) самая веселая забавная,
- 2) напряженная звукоустройство (инструментовка и фактура слова)
- 3) вскрытие и прозрение в загадки слова и мироздания.

В первом роде особенно отличился И. Зданевич, издавший в течение 1917—20 годов пять драм на заушном языке: „Янко“, „Остров Пасхи“, „Эта якобы“ и др.

Насколько до нас писали напыщенно и ложно-торжественно, (символисты) настолько мы весело, искренно-задорно! За примером недалеко, вот Иль-изда (И. Зданевич):

жыних а
жыних б
аркестрам:

павыпит папайная луйку равщычи хрупит и оич
оич луду выпил шашни луйку равщыч хру-
ня аиду.

(Дра „Асел на прокат“)

И в другой дра:

Янко (испуганный):

папаси мамаси

банька какуйка визийка

будютитька васька мамудя!

(„Янко круль албанский“)

Мы бросили мир хныкачей и ушли в за-ойный,
Безюнный, ми—заойники!

Зау! Зау! (военный крик папусов)!

Толпы неожиданных звуков, пляска их,

Визжание и кувырканье у заушцев!

Мы звучащы, мы звукуем

Среди сонных мудрирей!..

(Крученых)

Вспомните Гоголевское: страшно звукнули сабли!..

Заушники

А. Крученых

Г. Петников

В. Хлебников

Новая инструментовка и фактура слова не-
волью требует усиленного словоповишества, доводя
его до заушного.

Созданием новых слов от известных уже
корней особенно заняты В. Хлебников и Г. Пет-
ников.

Словотворчество Хлебникова так богато, что
нужен специальный словарь, чтобы записать его и
ориентироваться в нем. Особенно известны „сме-
хачи“ и „смеярыши смехочеств“. Я напомню еще
ряд неологизмов другого порядка. Если смехач
и по звуку по смысловому значению окончания
изображает богача смехом; хныкач — богача хны-
каньем, то окончание (суффикс) ич — означает сы-
новство, ущемление: смехич, лучич, светич. Это
удачно выявлено в стихе В. Хлебникова:

Я небишь зыбкий

Я небишь бледный

Едва на землю сойти я мог...

ЗАУМЬ ЗАУМЬ ЗАУМЬ ЗАУМЬ ЗАУМЬ ЗАУМЬ ЗАУМЬ ЗАУМЬ ЗАУМЬ ЗАУМЬ

4) К заушному языку прибегают: а) когда
художник длет образы еще не вполне определен-
ниши (в нем или во вне). б) когда не хотят на-
звать предмет, а только намекнуть — заушная ха-
рактеристика: он какой то эдакий, у него четыре-
угольная дупа, — здесь обычное слово в заушном
значении. Сюда же относятся выдуманные имена
и фамилии героев, названия народов, местностей,
городов и проч. напр.: Ойле Блеяна, Мамудя,
Вудрас и Барыба, Свиригайдов, Карамазол, Тя-
чиков, и др. (но не аллегорические, как-то: Прав-
дани, Глупышкин, — здесь ясна и определена их
значимость).

в) Когда теряют рассудок (ненависть, рев-
ность, буйство)...

д) Когда не нуждаются в нем — религиозный
экстаз, мистика, любовь. (Глосса, восклицания,
междометия, мурлыканья, припевы, детский лепет,
ласкательные имена, прозвища, — подобная заушь
имеется в изобилии у писателей всех направлений).

А. Крученых

Декларация
Заушного языка

1922

Так говорил комиссар Казимир.
Убей меня Бог, в этом больше поэзии, чем во всем заведении /старейшей фирме/ мадам Ахматовой! Косноязычно, грубо, топорно /"бревенчатый Малевич" - Бахте-рев/, но страстно и глубоко. Он видел: рот, гортань, звуки /звуковое начало поэ-зии/, но "рука" и "чернила" понимались лишь раз. Он слышал: из хаоса звуков и слов - возникала гармония - "О, если б без слов сказаться душой было можно!" - вопль классика - даже не стон.
Малевич пытался прорвать паутину /а она, падла, липкая, и в ней так удоб-но качаться/ и выйти в иные миры, сопредельные. И в пространстве - он вышел. А в звуке - тут дело за нами... Пойдут ли, из зыбкой Ахматовой? - мягко. Топор.

народ почувствует родственность в себе его, воскликнет с ним каждый по иному, -
но едино.

И будут едины, пока не сгорит слугитель.

Тот, на которого возложится служение религиозного духа, - являет собой
церковь, образ которой меняется ежесекундно. Она пройдет перед ними движущаяся
и разнообразная.

Церковь - движение, ритм и темп - ее основы.

Новая церковь, живая, бегущая сменит настоящую, превратившуюся в багажный,
железнодорожный пакгауз.

Время бежит и скоро должны быть настоящие.

В поэзии уже промчались бегом первые лучи нового поэта, свободного от ис-
кусства мастерства, легкого и свободного. Гортань его зеркально чиста и говор

его чист и нет в нем вещей неуклюжих - ведь ужасен современный и прошедший поэт.
Черная гортань его, выползают слова-вещи: табурет, розы пахучие, женщины,
гробы и тучи - это какой-то ящер, изрыгающий вещи, без разбору глотавший все.

Лучи нового поэта осветили буквы, но их назвали набором слов. Что можно
без труда набрать сколько хочешь. Такие отзывы были среди мудрейших старейшин.

Пушкин мастер, может быть и кроме него много мастеров других, но ему по-
чет, как старейшей фирме. Есть много мастеров других профессий и много старейших
фирм - везде искусство, везде мастерство, везде художество, везде форма.

Само искусство - мастерство есть тяжелое, неуклюжее и по неповоротливости
мешает чему то внутреннему, тому, о чем часто говорят мастера художественного
"достигнуть трудно и нельзя", нельзя передать натуры и нельзя высказать себя.

Все искусство, мастерство и художество, как нечто красивое - праздность,
обывательщина.

Самое высшее считаю моменты служения духа и поэта, говор без слов, когда
через рот бегут безумные слова, безумные ни умом, ни разумом непостижимы.

Говор поэта, ритм и темп делают промежутки, делают массу звуковую и в ясно-
сть исчерпывающе приводят жесты самого тела.

Когда загорается пламя поэта, он становится, поднимает руки, изгибает те-
ло, делая из него ту форму, которая для зрителя будет живой, новой, реальной це-
рковью.

Здесь ни мастерство, ни художество не может быть, ибо будет тяжело земе-
льно загромождено другими ощущениями и целями.

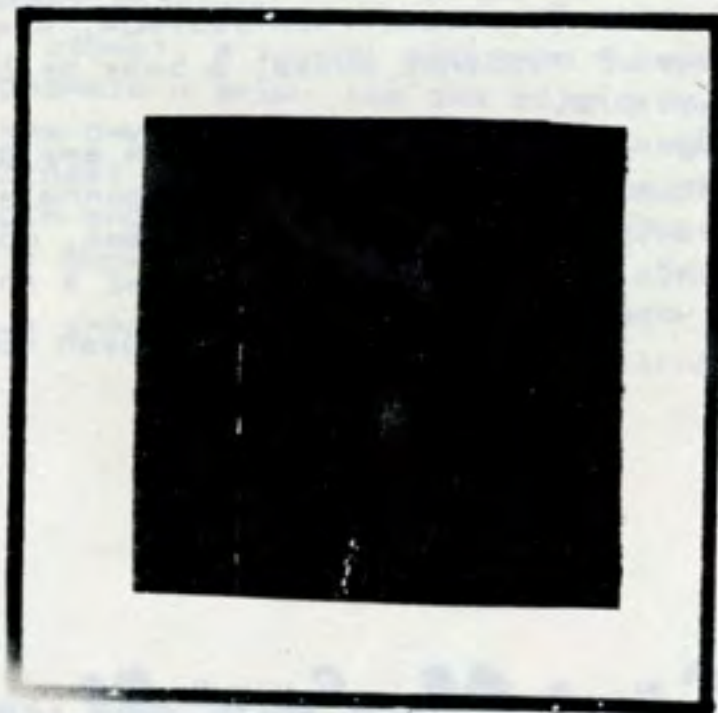
Улэ Эле Лэл Ли Оне Кон Си Ан

О мон Кори Ри Коасанби Моена

Сабно Оратр Тулож Коалиби Блесторе

Тиво Орене Алиж

Вот в чем исчерпал свое высокое действо поэт, и эти слова нельзя набрать
и никто не сможет подражать ему.

дывающие в иной мир, "боги", приписывающие себе обладание большим и сверхчеловеческим, нежели природа, земля.

В этом случае они только думают о "сверхе", но на самом деле нет ничего, кроме реальных, ими не сделанных колоколов, их звука и т.д.

Посты и художники, музыканты - больше слушают звон колоколов, нежели себя. Они трусы, привыкшие к окровавленным вещам, без которых не могут жить.

Но голос настоящего неустанно звучит в каждом из них, но принять его, как он есть, бо тся, ритм и темп колышит неустанно поэта, но поэт берет его и одевает лошадей, колокола и т.д., и на хвостиках строки висит настоящее созвучие того, что должно занять первое место и показать себя во всю.

Поэт боится выявить свой стон, свой голос, ибо в стоне и голосе нет вещей, они голые, чистые образуют слова, но это не слова, а только ради буквы - в них. В них нет материи, а есть голос его бытия, чистого, настоящего и поэт боится самого себя.

Ритм и темп включают образ поэта в действие. Сам же невидим и невиданный мир, незнающий, что есть в мире, ибо это знает только разум, как буфетчик свой шкаф.

Буфетчик принимает настоящее и охорашивает свои предметы. Венера в поэтическом костюме, "могила в хризантеме", "он", "она", - все это обуто в особую вышшую обувь ритма.

А самого поэта нет, есть мастер дел "обувных" и только.

Поэт не мастер, мастерство чепуха, не может быть мастерства в божеском поэте, ибо он не знает ни минуты, ни часа, ни места, где воспламенится ритм.

Может быть в трамвае, улице, площади, на реке, горе, - с ним будет пляска его Бога, его самого. Где нет ни чернил, ни бумаги и запомнить не сможет, ибо ни разума, ни памяти в данный момент не будет у него.

В нем начнется великая литургия.

Тоже дух, дух религиозный / мне кажется, что дух не один, а несколько, или может один, но попадая в индивидуальные особенности - по-иному говорит/.

Дух церковный, ритм и темп - есть его реальные выявители. В чем выражается религиозность духа, в движении, в звуках, в знаках чистых без всяких объяснений - действие и только, жест очерчивания собой форм, в действе служения мы видим движение знаков, но не замечаем рисунка, которого рисуют собой знаки. Высокое движение знака идет по рисунку, и если бы опытный фотограф сумел снять рисунок пути знака, то мы получили бы графику духовного состояния.

Церковный религиозный дух находится в таком же владении буфетчика, также обвешан значениями знаков, каждый знак превращен в символ чего то, стал недвижим, неуклюж, как носильщик. Носильщиком в данный момент и есть служитель, но в большинстве случаев служители церковные религиозного духа - носильщики, которые из нош сделали себе кусок хлеба.

Такие носильщики живут, как клопы в щелях, они не сбегут. Но есть служители, которые хотят служить по требованиям голоса религиозного духа и вошедшие в дом обремененный в багаж утвари церковной - бросают и бегут.

Люди, в которых религиозный дух силен, господствует, должны исполнять волю его, волю свою и служить, как он укажет, телу, делать те жесты и говорить то, что он хочет, они должны победить разум и на каждый раз, в каждое служение строить новую цехов жестов и движения особого.

Такой служитель является Богом, таким же таинственным и непонятным - становится природной частицей творческого Бога.

И может быть постигаем разумом, как и все.

Тайна - творение знака, а знак реальный вид тайны, в котором постигаются таинства нового.

Своим действием будит присущий ему дух в других и в этом пробуждении он приемствен и приемственность таинственна и непостижима, но реальна.

Подобный служитель, действующий, образует возле и кругом себя пустыню, многие боясь пустыни бегут еще дальше в глушь суетлики.

И через пустыню он по настоящему выйдет в народ и народ в него и если

Стих Мир Стих Мир Стих Мир Стих Мир Стих Мир Стих Мир Стих Мир Стих Мир

новке есть мастерство. Пушкин достиг большого мастерства, может быть и многие другие достигали и достигают молодые поэты.

Но мастерство, как таковое, грубое, ремесленное даже и в том случае, когда говорят о художественности и еще вплетают "красота", а если хотят еще тоньше выразить говорят "одна поэзия".

Поэт есть особа, которая не знает себе подобной, не знает мастерства или не знает как повернется его Бог. Он сам внутри себя, какая буря возникает и исчезает, какого ритма и темпа она будет. Разве может в минуты, когда великий пожар возникает в нем, думать о шлифовании, оттачивании и описании.

Он сам, как форма, есть средство, его рот, его горло - средство, через которое будет говорить Дьявол или Бог. Т.е. он, поэт, которого никогда нельзя видеть, ибо он поэт закован формой, тем видом, что мы называем человеком.

Человек-форма такой же знак, как нота, буква и только. Он ударяет внутри себя и каждый удар летит в мир.

Поэт слушает только свои удары и новыми словообразованиями говорит миру, эти слова никогда не понять разуму, ибо они не его, это слова поэзии поэта.

И когда разум выявил их в понятие, они реальны и служат единицей мира. Будучи непонятым, но действительно реальным.

Мысль исчезла; как неуклюжее, громоздкое стихотворение лежит неподвижным камнем векового образования.

Стихотворения всех поэтов представляют, как комок собранных всевозможных вещей, маленькие и большие ломбарды, где хорошо свернутые жилеты, подушки, ковры, брелоки, кольца и шелк, и юбки, и кареты уложены в ряды ящиков по известному порядку, закону и основе.

Строка очень странная, наивная, может наивность и велика, но мне она тоже наивна и собою напоминает нечто примитивное.

Способ, которым передавал поэт свое, очень забавный.

Если рассмотреть строку, то она нафарширована, как колбаса, всевозможными формами, чуждыми друг другу и незнающими своего соседа.

Может быть в строке лошадь, ящик, луна, буфет, табурет, мороз, церковь, окорок, звон, проститутка, цветок, хризантема. Если иллюстрировать одну строку наглядно, получим самый нелепый ряд форм.

Ими поэт хочет рассказать свою "душу", ими рассказывает о "любви", о "ней". Не знаю, можно ли формами природы высказать исчерпывающее свое внутреннее слышание, слышится ли оно в образах лошади, Венеры, солнца, луны, хризантемы, - мне кажется, что нет.

Все стихотворение состоит из названий отличительных, из свойств, качеств и ощущений, вкусов и т.д. "Гудели колоко-ла". - Страшно, грубо и несуразно. Разве в слове "гудели" поэт дал то гудение, которое он слышал и что переживал в этом гудении - я уверен, что поэт переживал очень многое. Он слушал гул, забыв о всем, ибо звуки будили в нем необычайные движения.

А в стихотворении только указывается, что "гудели", так скажет всякий. Разуму нужно отличить, что колокола в это время гудели и чтобы было понятно, положение того, кто был в месте, где гудели, народ толпился у церкви.

Один расскажет, другой расскажет в стихотворении, третий споет о "крестном ходе" и "плачущей малютке", четвертый напишет красками.

Никто из них не доволен и все плачутся, стонут; я думаю, что если бы плотнику пришлось строить дом и он собирал все предметы и вещи, как они есть в природе, и стал складывать все предметы и вещи, как они есть в природе, в дом, то тоже заплакал бы. И в этом случае разум поступает иначе, он претворяет каждую вещь природы в неузнаваемый вид, создавая совсем иное тело. Он смешивает различные по виду формы в одну и творит новый вид и форму, какой нет в природе. Тоже церковь, тоже колокол.

Чем же отличаются наименее свободнейшие творцы певцы сверхземного. Люди, загля-

Миреконца Мир^обиза Мир^обиза Мир^обиза Мир^обиза Мир^обиза Мир^обиза

Казимир
Малевич
/1878-1935/

/Статья эта была опубликована в журнале "Изобразительное искусство", №1, Пг., 1919 г., стр.31-35. №2 так, похоже, и не вышел, да и этот-то № стал полнейшим уже раритетом; со статьей Малевича знакомы разве специалисты по ИЗО, но никак не поэты - а и откуда им? У меня, положим, был этот №, у меня много чего было. И нету. Статья зачем-то "иллюстрирована" тремя ч/б репродукциями работ П.В. Митурича - "Пространственная живопись №14", 1918 г., аналогичное же №12 и Л.А. Бруни, "Живописная работа материалов", 1916, с пометкой - Приобр. Н.Пуниним. У Пуниних я этой работы не видел, я там целовал "Поцелуй" Шагала, а у Ирины не спросил. Привожу же данную статью - а/ как иллюстрацию к Хлебникову, б/ как предисловие к ученику Малевича Чашнику, в/ как пример СИНКРЕТИЗМА, о котором говорил, говорю и буду говорить. - ККК/

О поэзии К. Малевич

1/ Поэзия, нечто строящееся на ритме и темпе, или же темп и ритм побуждают поэта к композиции форм реального вида.

2/ Поэзия - выраженная форма, полученная от видимых форм природы, их лучей - побудителей нашей творческой силы, подчиненная ритму и темпу.

Иногда поэт реальную форму мира облекает в ритм и темп, а иногда побуждает поэта буря восставшего в нем ритма чистого, голого к созданию стихотворений без форм природы.

В первом поэт перебирает кладовую - природу вещей, беря подходящее по форме и по содержанию в себе ритма и строит строку в неустанно текущем ритме и темпе.

Законченное стихотворение зависит или от определенной высказанной мысли, или угасания в себе ритма. Последнее наименее состояние и отношение. В первом случае мысль, во втором напряжение.

Есть поэзия, где поэт описывает клочок природы, подгоняя его под загоревшийся в нем ритм, есть поэзия, где ритм идет в угоду формы вещей. Есть поэзия, где ради ритма уничтожает поэт предметы, оставляя разорванные клочки неожиданных сопоставлений форм.

Есть поэзия, где остается чистый ритм и темп, как движение и время, здесь ритм и темп опираются на буквы, как знаменья, заключающие в себе тот, или иной звук. Но бывает, что буква не может воплотить в себе звуковое напряжение и должна расплыться. Но знак, буква зависит от ритма и темпа. Ритм и темп создают и берут те звуки, которые рождаются ими и творят новый образ из ничего.

В других случаях, например, в описаниях вечера, сенокоса, - здесь природа очаровала поэта, и он хочет оправить ее в ритм, сделать ее поэтической, передать ее поэзию уже в иной форме, сами вещи кажутся довлеющими, а ритм как орудие обработки. Здесь под ритм и темп подгоняются вещи, предметы, их особенности, характер, качество и т.д.

То же в живописи и музыке.

В художнике загораются краски цвета, мозг его горит, в нем воспламенились лучи идущие в цвете природы, они загорелись в соприкосновении с внутренним аппаратом.

И поднялось во весь рост его творческое, с целой лавиной цветов, чтобы выйти обратно в мир реальный и создать новую форму. Но получается совершенно неожиданный случай. Разум, как холодильный колпак, превращает пар опять в капли воды и бурный пар, образовавший нечто другое, чем был, превратился в воду.

Тогда лавина бесформенных, цветовых масс находит опять те же формы, откуда

Лти хамле Лти хамле Лти хамле Лти хамле Лти хамле Лти хамле Лти хамле Лти хамле Лти хамле

ревне, недалеко от Москвы, и мы, все вместе, вели оживлённые дискуссии на те же вышеупомянутые темы. Эти дискуссии по поводу стержневых идей русского футуризма продолжались в ходе нашей деревенской встречи 1914 года в доме Матюшина, который был экспериментатором в музыке и в визуальных искусствах и в теории, являясь также одним из "издателей" футуристических сборников. В числе тех, кто принимал участие в этом дружеском сборе, я вспоминаю Малевича и художника исключительной оригинальности - Филонова. Среди обсуждаемых нами вопросов были и мои поиски в области заумной (сверх-разумной) поэзии.

УТРО: **Малевич** : НЕМЧИНОВКА

Троелсу Андерсену

"время - распада кругов
и теперь уже что говорить
об основе другой - рукотворной..." -

словно средь веток - на ветках - поблескивает
телом первично-незримым
сам - до-человечески - сам:

а мокрые - смежные с густками - "где-то-я-там-уходящий"
ветки в глубинах зари равномерны при вздрагах -

зренье - вразброд: отовсюду дымящимся
жертвоприношением - глаз! -

гул... - продолжается гул: то ли степи - из детства - соседству-
ют - входят
хребтами двоясь /и опять - велимировы будто - с годами забытые
кони мелькают: родное топтанье
полей: "это-я-исчезая"/ -

гул: а потом - утомление затылка: движение привычное
теплой весомости белой
все тяжелее - адали над холмом /где взаимообратание было хольбой:
и молчанием

словно протертов с шепотом дум
стала здесь почва сама/ -

дальше - над дубом все тем же - сродненным всей крепостью духа
и принятым в волю твердейшую -

все ощутимее - света уход:

из продолженья-творенья -

что-то в лице наклоняя все более белым... -

/"нет: ничего уже это не держит" - лишь жизни все меньше теплею-
щий сон

будет - в покое - надолго замешан зрачками!/-

и - словно единой-песней едино-народа исход из слияния-поля -

взгляд от стола - человечнейшим озером черным:

"грусть - не становится кругом: ни солнца ни поля... -

просто - возносится к небу:

грусть - человеческого места
все дальше - все больше: незримость"

1974

ник-артист, художник-мыслитель". Прочтите это в альманахе "Рос-
сия", № 2 за 1975 год (с.254), подготовленном В.Страдой и опуб-
ликованном в издательстве "Эйнауди" в Турине.

Посещения Малевичем меня и наши беседы 1913 - 1914 годов
были посвящены тому, что мы называли "освобождением энергии" в
живописи и поэзии: живописи не-воспроизводительной и поэзии
не-справочно-информативной, - с этими программными заявлениями
мы намеревались поехать в Париж. Летом 1914 года с моим большим
другом, поэтом-футуристом Алексеем Кручёных, я посетил Малевича
в доме, который он снимал вместе с художником Моргуновым в де-

Геннадий Айги у Романа
Кобсона

/Москва, гостиница "Украина", 1966/

преодолевая
следы
от встреч само-выкладки споров от сна перед новыми встречами
преодолевая
помятость натруженных щёк и подглазья
как просветлялся - выравнивая
движеньем иным звукорядов
давно предслышанных им
впадины (чем-то отцовские)
вне протяженья живущего
рядом - лица

21 июля 1982

САД НОЯБРЬСКИЙ - Малевичу

состояние
стучаще-спокойное
действие
словно выдергиванье
из досок гвоздей
/сад
будто где-то вступление ярого-Ока
сад/

1961

ПИСЬМО О
Малевиче

Конечно, он сам себя рассматривал как принадлежащего к "группе русских футуристических поэтов и художников", как он заявил об этом в журнале "Новь" в январе 1914 года. Прочтите об этом у его друга Н.И.Харджиева, в большом сборнике "Владимир Маяковский: воспоминания и исследования" (с.125), изданном Б.Янгфельдом и Н.А.Нильсоном, появившемся недавно в Стокгольме.

Я хотел бы назвать экстраординарного поэта современного русского авангарда - Геннадия Айги: он говорил недавно, что для него Малевич - "первый среди художников, наиболее любимый, не только первый среди живописцев, но и вообще первый - как худож-

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

Алёше Крученых

I.

Игра в Аду и Труд в лаю —
Хошошечки первые уроки!
Помнишь, мы вместе
Грызли, как мыши,
Непрозрачное время —
Сим победиши!..

1920 г.

II.

Замороженный ОЗИНС
Злабой мертвою усну
Голой водлой голос вынос
В глухом городе блесну!

Голошанный,
Голоногий,
ГОЛОУМНЫЙ,
Воеет недуги диких стадом,

Что восходит звука ~~отом~~!

1920 г.

И вечер темень,
И тополь земень,
И мореречи
И ты, далече!..

Тетнадий
Али

К ПРАЗДНИКУ В ДЕТСТВЕ

/Марку Шагалу: строки, набросанные к его
несостоявшейся выставке; Москва, 1967/

о р о з а д е т с т в а !

ты - очаг:

огневоротом отдаленный

в шумящем празднике семьи! -

тебя

приснившуюся

дарю:

шагалу:

с восхищением

1967

М. Шагал М. Шагал М. Шагал М. Шагал М. Шагал М. Шагал М. Шагал

То, что в сердце светилось
Родное...
По пыльным дорогам Европы
Потерять и раздать.

23 - 24

Михаил
Ларионов

В туманном поле
Растаял день,
Землёю пахнет
Ночная тень.
Бык вышел с
Белыми рогами
И опрокинутой лодкой
Заколыхался над водой.

Проходит время
Год за годами
Минуты и часы плывут
И пропадают в море снов.
Сны обращаются в реальность
Реальность дышет светлым днём.

Не хотелось бы вовсе мне знать
Что с печалью и грустью по свету
Мне придётся без смысла гулять
Мне придётся всю радость и счастье
Всю мечту о любви и весне —
По дорогам Европы проездным
Растерять и раздать.

Спокойным и мудрым, словно что-то "завещающим" предстал однажды перед моим "внутренним взором" Михаил Ларионов. Мой старый друг Троелс Андерсен, ныне директор датского Силькеборгского Музея современного искусства, рассказал мне в 1962 году о своей недавней встрече с одиноким художником (тогда только что скончалась "великая Наталия" русской живописи, "бессмертная Натали" Михаила Ларионова).

"В юности я думал, что главное в искусстве — это действовать. Я благодарен судьбе за то, что мне пришлось много болеть и много размышлять, я понял, что главное в искусстве — это думать", — сказал Михаил Ларионов.

Некоторые из его дум отразились в предлагаемых здесь стихах. Гениальный живописец оказался в них и проникновенным, адумчивым поэтом.

Данной публикацией я полностью обязан замечательному русскому художнику Николаю Дронникову, живущему в Париже. Судьба свела его с художницей Т.Д.Логиновой-Муравьёвой, бывшей ученицей у Ларионова. Однажды на столе у Мастера она заметила разрозненные листки. Вчиталась. Стихи. "Можно мне их переписать, Михаил Фёдорович?"

"Нравится? Перепишите".

— А где могут быть сейчас оригиналы? Были ли ещё другие стихи? — спросил у Логиновой-Муравьёвой Николай Дронников.

— Не знаю, — ответила художница. — После смерти Натали Сергеевны, да и раньше, его бумаги выносили мешками. Куда — не знаю. Потом стали упорядочивать их архив.

Дронников издал в 1987 году небольшую книжку Ларионова (включив туда одно стихотворение Гончаровой) на "домашнем" печатном станке, в количестве трехсот экземпляров.

"Осень счастливая..." Почти "хлебниковское блаженство". А в остальных стихах, недатированных, рукой, неотвратимо сохнувшей, Ларионов выводит приглушенно-грустные строки, это — прощание парижского художника с далекими зимами и веснами, с давними дорогами, — с дорогами России.

Печальный
Дни

Наталия Гончарова

Ко мне прилетает птичка
Садится на окно
И щебечет что-то...
- Ты ли это, мама? -
Спрашиваю.
Ответа нет - она улетела.

Михаил Ларионов

Осень счастливая
Блестящая как
золото С зрелы
м Виноградо
м С хмельным
Вином

(С картины 1912 года)

О Ларионове-живописце написано много. моя задача - представить здесь Ларионова-поэта, Ларионова-лирика.

Его всегда тянуло к поэзии. Ларионовские оформления книжек Хлебникова и Кручёных ("писанные от руки книги") похожи на некую "графическую поэзию". Вместе с Ильёй Зданевичем попытался Ларионов создать и "лучистскую" поэзию, - его "опыты" опубликованы в 1913 году в сборнике "Ослиный хвост и Мишень". Эти "опыты" близки к "леттрическим" стихам Василия Каменского, но кажутся менее "вычурными" в силу явно дискуссионного, спешного экспериментаторства.

Замечательно сплавлял Ларионов некоторые "стихотворные записи" с колоритом и фигуративной композицией ряда его ранних картин, - эти произведения, сделанные по образцу лубков, нельзя рассматривать как "стихокартины" (подлинные стихокартины были у Каменского и Малевича). Примечательно, однако, что Ларионов, спустя десятилетия, записал в виде отдельного стихотворения текст, известный по гениальному его полотну "Осень".

Огромная литература существует о Ларионове до 1915 года (когда он, тяжело контуженный на фронте, уезжает в Париж). Потом

он - один из героев блистательной "дягилевской эпопеи".

Начиная с 30-х годов, наступает последний, долгий и грустный период жизни художника.

В Париже, в декабре прошлого года, мне показывали кафе, куда Михаил Ларионов и Наталия Гончарова, в последнее десятилетие их совместной жизни, ходили пообедать бесплатно (по старой дружбе хозяина кафе).

"Ларионов" и "безвестность"... - какие, казалось бы, несовместимые понятия... Однако это было, было - в Париже, и было - долго.

Имя Ларионов всегда казалось синонимом жизнереальности. Я знаю о грустном Ларионове. Однако для меня нет "двух Ларионовых", есть - одна большая судьба великого художника и человека.

За год до кончины Наталии Гончаровой Михаил Фёдорович и Наталия Сергеевна обратились с письмом в Министерство культуры СССР с предложением о безвозмездной передаче советскому народу около трёхсот их холстов. Ответа на это письмо не последовало. Архив, предназначенный для передачи в СССР, после смерти художников был куплен одним из музеев США.

периода жизни Михай-
лающих углей неисто-
всехватно-фееричес-
и! — ничем неостано-
в эпоху нашего клас-
первобытной" мощью?

921 году, — как раз с
лебников.

еоднократное устное
ля русской живописи

ся: трансформирован-
си" вывесок сказало-
зв к "ассирийскому и
ориентацию русского
гуляки встретятся
укции Ларионова, на
ют с контр-рельефами
и о его "лучистских"
ная лучизму Ларионо-
ервные показала евро-
ое направление в жи-
м, например, абстрак-

Михаил
Ларионов

м. Мих. Лар. Мих. Лар. Мих. Лар. Мих. Лар. Мих. Лар. Мих. Лар. Мих.

Яркий, ослепительный, броский... Это часто говорилось о
Ларионове-колористе. Но его отношение к цвету, также, бывало
честным — до "тусклости" (есть такой парадокс: по мере усиления
духовной содержательности, произведение искусства становится,
внешне, все менее "ярким"). Видение художника было гораздо точ-
нее и тоньше чувственно-зрительной возможности современников-
знатоков. По-видимому, в этом он равен Сезанну и Матиссу, — так
мне думалось во время многочасового рассматривания постоянной
экспозиции в парижском Центре Помпиду (Матисс, Ларионов, — я
ушёл из Музея с памятью о непревзойдённо-тонком колорите этих
двух величайших мастеров века).

Михаил
Ларионов

(1881 - 1964)

Входя в перипетии раннего, российского ла Ларионова, мы словно оказываемся среди пвой самоотдачи его творческого дарования, - кий и необузданный, - просто: огонь во плотвимый генератор новых идей и стилей, - кто, сического авангарда, был равен ему "русско-Пожалуй, только Давид Бурлюк, которого, в I "ларионовской" силой, - живописал Велимир Х

Соседство этого имени напоминает мне н высказывание Николая Харджиева: "Ларионов д был тем, кем для поэзии был Хлебников".

Ларионов "катализировал" всех, всё и в ное воскрешение им русского лубка и "живопи на раннем неопримитивизме Малевича; его при вавилонскому" повороту усиливал "восточную" футуризма; его парикмахеры и провинциальные позже у Марка Шагала; "кинетические" констр выставке "1915 год", сопернически соседству Татлина. Нельзя лишь "оговорочно" упоминать произведениях. Выставка, полностью посвящён ва, организованная в Цюрихе в 1987 году, вп пейской общественности, что это беспредметн вописи состоялось не менее основательно, че ционизм Василия Кандинского.

Мих. Лар. Мих. Лар. Мих. Лар. Мих. Лар. Мих. Лар. Мих. Лар. Мих.

Михаил
Ларионов

Геннадий Айги

Д.Д. и М.Н. **Бурлюкам**
НА ПРОЩАНИЕ

двумя ореолами смутными
где-то в тумане светящие:

откуда? кому?...

а в сердце два облика
гнезда из света:
для черт велимировых
и для загара кавказского
Второго Великого:

такими - соборными
вы виделись нам
в облике яви - при нас удаляющемся:

среди отблесков августа

27 августа 1965,
Москва, гостиница "Националь"

Давид Бурлюк

Давид Бурлюк

Портрет Верлена

Давид Бурлюк

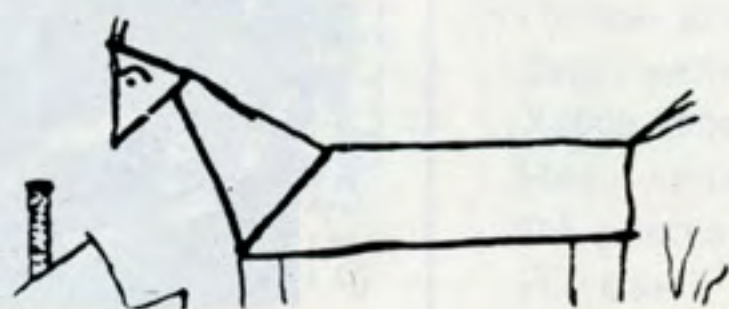

рис. Д. Бурлюка

ВАСИЛИЙ
КАМЕНСКИЙ

ЗВУЧАЛЬ ВЕСНЕЯНКИ

СТИХИ

Москва — Китоврас

1918

На корабле к
Давиду Бурлюку

Таинственно полночь зовет меня странно
Подняться на крышу Нирнзее Москвы
В электрической качке качаться пространно
Пьяными взорами строить мосты.

Будто Корабль над домами забытыми
Будто на палубе я один — капитан.
Плещутся песни о скалы измытыми
И мертво грустит электрический стан.
И в том что порывистый ветер проносится
Каким то нездешних морей мудрецом
Скрывается тайна судьбы мирносица
Венчая полночным Поэта венцом.
Но я одинок — и с усталыми крыльями
Спускаюсь по лестнице в каменный люк —
Ко встреченному другу с былыми усильями —
Плыву — где корабль капитана — Бурлюк.

Бурлюк
30

рис. Д. Бурлюка.

Солнцень-ярцень.
(Застольная)

(Давиду Бурлюку)

Солнцень въ солнцень.
Ярцень въ ярцень.
Раздувайте паруса.
Голубѣйте молодые
Удалые голоса.
Славьте жизнь
Привольно-вольную
Голубинную приволь.
Пойте здравицу
Застольную
Безшабашную раздоль.

Солнцень въ солнцень.
Ярцень въ ярцень.
Для вѣнчальнаго дворца
Растворяйте-распахните
Души—алыя—сердца.
Пусть указанъ путь
Да будетъ—
Хороводъ звучальныхъ дней.
Другъ про друга
Не забудетъ.
Кто пьетъ чару
Всѣхъ полнѣй.

Д. БУРЛЮК
Портрет поэта футуриста В. В. Каменского. 1917

Солнцень въ солнцень.
Ярцень въ ярцень.
Въ пѣсняхъ пьяныхъ безъ вина.
Разгадайте смыслъ чудесный.
Намъ ли юность не дана.
Пойте крылья огневѣйныя
Взглядъ бросаая въ небеса.
Славьте дни разгульно-лейные.
Раздувайте паруса.

Солнцень въ солнцень.
Ярцень въ ярцень.
Закружилась карусель.
Быстры круги.
Искры други.
Задружилась развесель.
Хабба абба хабба-абба.
Ннай—ннай—ннай
Эй раскачивай.
Й—ювь
(свистъ въ четыре пальца).

Памяти Елены Гуро.

Твоя пусть вѣтка осени
(Изъ книжечки Осенній Сонъ)
Желтится утромъ въ просени
Зоветь на горизонтъ.

Помнится гордо: изнѣженный
Рыцарь поэтъ
На ступеняхъ Храма Искусства
Умеръ съ голоду читая стихи.

Вѣдь все равно какъ катится
Къ разстали разлучаль.
Земля твоя не ластится
Святая замолчаль.

**ВАСИЛІЙ
КАМЕНСКІЙ
ДЪВУШКИ
БОСИНОМЪ**

СТИХИ. 1917

Василий
Каменский

Василий Каменский. Стихи. 1917 г. — М. /

На стенах засверкали красочные цитаты наших стихов.
Бурлик над женской уборной изобразил ошпыивающихся голубей
и надписал:

**Голубицы, управляйте
перышки.**

Даже Хлебников взялся за кисть и желтой краской вывел на
фанере:

**Там мотри, мотри за горкой
Подымается луна.
У счастливого Егорки
Есть звенящее звено.**

...Дорн Якулов с горячим темпераментом говорил с эстрады о
том, как он строит на Кузнецком "мировой вокзал искусств" (новое
филипповское кафе "Питтореск"), с барабана (арены) которого будут
возвещаться "приказы по армии мастерам новой эры".

С "мирового вокзала искусства" пламенный Якулов собирался
отправлять в степь человечества "экспрессы новых достижений ху-
дожеств".

Такой же мечтатель - Хлебников, поддерживая вокзальную идею
Якулова, намеревался созвать в "Питтореск" всех "председателей
земного шара", чтобы наконец решить "судьбу мира".

Между прочим, приехавший из Петрограда Евреинов рассказывал,
что там был устроен грандиозный "карнавал искусств": писатели,
художники, композиторы и актеры на разубранных цветами автомоби-
лях праздничной длинной вереницей двигались по Невскому.

Эту автомобильную вереницу "карнавала" заканчивал большой
грузовик, на борту которого мелом было написано:

Председатель Земного Шара

На грузовике в солдатской шинели сидел сгорбленный Хлебни-
ков.

И теперь Хлебников собирался в нашей хижине обнародовать
новый манифест по случаю предстоящего съезда "председателей
земного шара".

**Василий
Каменицкий**

ПУТЬ
ЭНТУЗИАСТА

На стенах

засверкали

КРАСОЧНЫЕ ЦИТАТЫ НАШИХ С

...Каждая тесного объединения новых поэтов, художников выросла до пределов необходимости немедленной организации клуба-эстрады, где мы могли бы постоянно встречаться и демонстрировать произведения в обстановке товарищеского собрания.

...С этой целью я с Гольцшмидтом/ "футурист жизни", спортсмен, товарищ Каменского. - А.М./ отыскали на Тверской, в Настасьинском переулке, помещение бывшей прачечной и основали там первое "кафе поэтов". /Москва, 1917 г. - А.М./.

Сейчас же туда явились художники: Давид Бурлюк, Лорн Якулов, Валентина Ходасевич, Татлин, Лентулов, Ларионов, Гончарова и давая расписывать по общему черному фону стены и потолки.

Сарынь на кичку

(Изъ романа Стенька Разинъ)

(В. Хлѣбникову)

Сарынь на кичку.
Ядреный лапотъ
Пошелъ шататься по берегамъ.
Сарынь на кичку.
Въ Казань—Саратовъ
Въ дружину дружную на перекличку
На лихо лишнее врагамъ.

Сарынь на кичку.
Боченокъ съ брагой
Мы разопьемъ у трехъ костровъ.
И на привольѣ волжскомъ вагой
Зарядимъ въ грусть у острововъ.

Сарынь на кичку.
Ядреный лапотъ.
Чеши затылокъ у перса пса —
Зачнемъ съ низовья
Хватать — царапать
И шкуру драть — парчу съ купца.

Сарынь на кичку.
Кистень за поясъ.
Въ башкѣ зудить
Разгуль до дна.
Свисти. Глуши. Зевай. Раздайся.
Слѣпая стерва
Нне попадайся —
Вввва.

...Какъ известно, Хлѣбниковъ былъ одаренъ математикой или цифромани-
ей, имъ въ этомъ ничего не понимали.

Поэтому Брикъ однажды созвалъ ученыхъ математиковъ къ себѣ, и
Хлѣбниковъ прочиталъ докладъ "о колебательныхъ волнахъ 317-ти".

По Хлѣбникову, число "317" было закономъ колебательного
движенія государствъ, и народовъ, и событий, и войнъ, и толпъ, и
даже отдельныхъ душъ, и отдельныхъ поступковъ.

Хлѣбниковъ доказывалъ математикамъ (у Брика) о связи между
скоростью свѣта и скоростями земли солнечнаго мира, о связи, за-
служивавшей имени "бумеранга Ньютона".

После хлѣбниковскихъ уравненій выходило, что площадь прямоу-
гольника, одна сторона котораго равна радиусу земли, а другая — пу-
ти, проходимому свѣтомъ въ теченіе года, равна площади, описываемой
прямой, соединяющей солнце и землю въ теченіе 317-ти дней.

Переходя затемъ къ волненіямъ отдельныхъ душъ, пост-математикъ
доказывалъ, что жизнь Пушкина даетъ примеръ колеба-
тельныхъ волнъ черезъ 317 дней.

Напримеръ, свадьба Пушкина состоялась на 317 день после
помолвки съ Гончаровой.

Смелость хлѣбниковскихъ уравненій въ отношеніи "закона
души одного человека" привела ученыхъ въ состояніе "опаснаго
психо-момента" и уложила съ несомненнымъ "бумерангомъ" въ головы.
Ибо никакъ не могли связать уравненія опытныхъ наукъ со свадь-
бой Пушкина.

Только одинъ изъ профессоровъ, надевая очки, молвилъ:
— А все-таки это гениально.

Вскоре после "вечера математики" "Ляковский-Брикъ выпустилъ
журналъ "Взглядъ", где Хлѣбниковъ и напечаталъ свой бумерангъ, въ Нью-
тона.

Разин со знаменем Лобазевского
 100В. Во головах свста, боль
 неман, засни заря!

Взлзмир
 Хлебни

РАЗИН

ро горту
 етуй чусе
 ри, летели Разиним
 ин нежен и тегу
 несет тесен вид углов
 ени Синело
 оно
 пок. Копави
 ст и тейеа
 тла? лгзв
 тютот.
 мина, нота, лебедю
 тойори ройот
 ри, летели Разиним
 тии тютот
 тии тютот
 в, мфи-же!
 мзгем наеже
 ам ман кож,
 гор рога!
 афе мжеа кумагем!
 игла, леги-же!
 ура, парце углов
 лав, валов

Балор а рога о
 и бар раби!
 Гор рога
 Раб, неже, жегн бар
 Агор рога!
 Ого-го!
 Шарашб!
 Мань, раб, баринам!
 Косо лети же, жегнб осок
 Азз, бмзв,
 Сокол окомо кос!
 Мамо колоколам
 Азор увоза:
 Халой - сймох,
 Халой переймох,
 Рог гор
 Вона нанов,
 звона нанов!
 Ворона коров.
 Лай пан найам
 Манье Азз, бмзв.
 Рог, туде, дегинам!
 Рог, гор
 Бар раб,
 Гор рога
 Раб раб
 Черзи чигрзв
 могота багагом!
 Раб неже, жегн бар.
 Косо лети же, жегнб осок.
 Мань, раб, баринам!

Я. Митурин Х5
 Копия Копия с рукописи автора
 Лев Аренис 25/III-22.
 Петроград, Инженерная Ч.кв.

...Бродя по зоологическому /берлинский зоологический сад.-
 А.М./ и вспоминал прекрасную хлебниковскую вещь "Зверинец" из
 "Садка Судей":

"Сад, сад, где взгляд звери больше значит, чем гуды прочтени
 их книг.

Где орлы падают с высоких насестов, как кумиры во время
 землетрясения с храмов и крыш зданий".

Но никто не заметил "Зверинца" - Хлебникова.

Нет, легче не думать об этом.

Летать, летать! Лечь бы не знать обид и тяжестей на литератур-
 ном базаре, где гениальность Хлебникова - самый ненужный товар.

...В...этой же "Бродячей собаке" праздновался выход объеди-
 ненного "Стрельца" /1914 г. - А.М./.

Здесь читал Маяковский и даже Хлебников.

А "даже" это потому, что голос Хлебникова был слаб, и он
 выступал так: прочтет из большой поэмы десяток строк, останется
 и скажет:

- Ну и так далее!

Хлебников, да и все мы очень любили "Собаку", как и "хозяина
 Боркса Пронина.

...Так "бродячими собаками" и скитались, не ведая своего то-
 варищеского двора, где могли бы поговорить о своих интересах без
 участия обязательных бутылки.

Правда, Хлебников носился с мыслью, что настало время орга-
 низовать "правительство председателей земного нара" и в первую
 голову построить дворец для поэтов, но это было лишь фантасти-
 ческое утешение для "бездомных бродяг".

...Виктор Шкловский - этот начиненный снаряд - разрывался
 парадоксальностью, острыми мыслями об искусстве, проявлял крупные
 способности критика новой формации.

И такой же компактный снаряд, как Осип Брик.

Недаром этих двух очень боялся Хлебников и, по дороге от
 Брик, говорил мне:

- Я больше к ним не пойду.

- Почему?

- Боясь.

- Чего?

- Вообще... у них жесткие зубы.

Но Хлебников приходил, читал стихи и загадочно поглядывал
 на зубы Брика и Шкловского.

№ 244
ТОПКА

1 hour 9

Рязанков

Виктор Владимирович

уволенъ изъ числа студентовъ Университета, какъ

не внесшія плату за *осект 1910 г.*

< судак садок судец садох судей садох судей садох судей садох судей садох судей садох судей садох

...Так в 1909 году основался в Петербурге российский футуризм.

...Безусловно мы сиди именниками.

Наш подпольный успех был таков, что мы носились всюду уверенными, пьяными от молодости и удачного начала.

Даже скромный Зитя Хлебников, проживавший у меня, на Фонтанке, повел себя необычайно.

В одно из утр мы встали рано; я вышел в лавку купить ветчины и сыру для завтрака и, когда вернулся, стал в дверях изумленным: Витя смотрел в окно с четвертого этажа и, залитый солнцем, с полотенцем в руках, пел.

О, как он поет! Тончайшим голоском, будто ниточкой, Зия разматывал какую-то невероятную мелодию с эле удивительными нюансами.

Так поэт персидские пастухи на высоких горах, и мне вспомнилась чудесная Персия, — так и потянуло туда, в путь к Тегерану. Застыл в дверях, слушаю, удивляюсь: откуда он знает персидские песни.

А он пел да пел, ну совсем, как в Персии, и остановиться не может, и слова непонятны.

Возбужденный, я тихонько оставил его, побегал вниз, купил бутылку красного вина, которое очень любил Хлебников.

Вернулся, а он все поет, но, когда кончил, взглянул на бутылку, обрадовался:

- Замечательно. Очень кстати.

- Это тебе, Витя, за персидскую песню.

Он гордо просиял:

- В таком случае я всю бутылку выпью один.

- Пожалуйста.

И он выпил, дикую, что пьет один.

Впрочем он знал, что я не любил красного вина и вообще утром предпочитал кофе.

С п р о с и т и :

- Откуда ты знаешь персидскую песню?

Хлебников вткнул голову в плечи, потер лоб, по-детски заплакал губами:

- Переходимое? Вообще... бюджетные должны двигаться на восток... Там лежит будущее России. Это ясно. Мы обязаны об этом написать и объявить народу.

ПУТЬ
ЗНАСТА

М. П. Н.
КАНЦЕЛЯРИЯ
ИМПЕРАТОРСКОГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА.

25. Октября 1908 г.

№

Справка

Справка по делу № 101
Виктора Владимировича

Виктор
Хлебников Виктор
Владимирович
в чине студента
С.-П. Универс.
Самый лучший ученик

О

№ 1971

КАРТОЧКА КНИЖ.

Ф. И. О. П.

Арх. Хлебников

ДѢЛО

ИМПЕРАТОРСКОГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1908-9.

Виктора Владимировича
Хлебникова

14

садок судей садок судей садок судей садок судей садок судей садок судей садок судей

...на этом же выставке я увидел необыкновенную пару: этакое
вихрастого, высоченного роста вношу, помпезнейшего нервным
носом, и рядом - чуть поменьше длинной - красавицу-блондинку.

Это оказалась участница выставки /речь идет о выставке
картин левых течений, устроенной Н.И.Кульским. - А.М./ - ху-
дожники Зай и Борис Григорьевы.

...Григорьевы до умопомрачения любили Кнута Гамсуна, вос-
торгались стихами Хлебникова и моими, много читали, работали и
вообще были энтузиастами...

...С провозной радостью мы собирались у меня на квартире,
на Фонтанке, и читали книгу /"Садок Судей". - А.М./

Да! Это был незабываемый праздник мастеров-энтузиастов-бу-
детлян.

Хлебников в это время жил у меня, и я не видел его более ве-
селого, оживленного, кипучего, чем в эти горючие дни.

Он собирался весь мир обратить в бюджетничество и тут же пред-
лагал прорыть канал меж Каспийским и Черным морями.

...Хлебников, будоража волею, то корчился, то вдруг выпри-
млялся, глядел на нас пылающей лазурью, ходил нервно, подавшись
туда вперед, сплошь сжим от прилива мыслей:

- Вообще... бюджетники должны основать остров и оттуда дикто-
вать условия... Мы будем соединяться с материком посредством аэро-
планов, как птицы. Станем прилетать весной и выводить разные идеи,
а осенью улетать к себе.

Сверх-реальный Израил Бурлак наводил хорнет на нездешнего
поэта и спрашивал:

- А чем же мы, Витя, станем питаться на этом острове?

Хлебников буквально пыхтел:

- Чем? Птицами. Вообще мы можем быть охотниками, жить в
раскинутых палатках и писать... Мы образуем воинственное племя.

Володя Бурлак, делая за столом рисунки для книги, хохотал:

- И превратимся в людоедов. Нет, уж лучше давайте рвать ка-
налы. Бери, Витя, лопату и иди без разговоров.

Тогда Хлебников терпелся, что-то неведомо губами и потом
заявлял:

- Мы должны изобрести такие машины... вообще...

А вообще нам было беспрельдно весело.

Нереальные, но прекрасные фантазии Хлебникова сталкивались
с трезвостью наших натур, и от этого происходил треск взаимных
восторгов.

ЭНТУЗИАСТЫ

С этих минут Хлебников был со мной почти неразлучно.
Мы крепко сдружились.

Он буквально скакал от радости, когда я принес ему журнал
"Весну" с напечатанным рассказом "Искушение грешника".

Сияющий автор воскликнул:

- Надо бы устроить пир, но у меня нет золота!

Но мы устроили, ибо оба любим беспечную, окрыленную
молодость и веселье без берегов.

...Умудренные революцией, мы теперь знали, что для успешного
переворота в искусстве нам нужны стойкие соратники, вооруженные
блестящей техникой мастерства.

В отношении литературы я предложил "двинуть" Хлебникова, о
котором рассказывал в самых восторженных утверждениях:

- Хлебников - гениальный поэт!

И привел Хлебникова к Бурлякам.

Давид Бурляк с величайшим вниманием прослушал хлебниковские
вещи и подтвердил:

- Да, Хлебников - истинный гений.

Теперь Хлебников почти переселился к Бурлякам и даже вместе
с ними уехал гостить на лето в Херсонскую губернию, где жили
бурляковские родители.

...Перед отъездом в Петербург, осенью 1909 года, в пермском
научном музее я прочитал первую публичную лекцию "Путь молодой
литературы".

...Лекция кончилась стихами Хлебникова под общие недоумевав-
шие улыбки одной части аудитории и под ободрительные хлопки -
другой.

...К этому времени вернулись из Херсонской губернии Бур-
ляки с Хлебниковым.

К двум Бурлякам присоединился третий брат - Николай Бурляк,
студент, поэт нашего лагеря.

Давид нашел еще одного поэта - Бенедикта Лившица.

Армия "левых" росла.

...Наш организационный план удался: по части исканий и тео-
рии современного театра к нам вошел самый известный и "модный"
режиссер той поры Николай Николаевич Евремов; по части музыки -
двое молодых композиторов и отличных пианистов - Анатолий
Дроздов и Лурье.

По части живописи: Бурляки, Якулов, Ларионов, Гончарова,
Лентухов, Матшин, Малевич, Татлин, Кузьбин.

По литературе: Хлебников, Давид Бурляк, Василий Каменский
и Елена Гуро.

Василий
Хлебников

На просторе между лучей тучами дождливо узком
Облачки с криком: лети!
Полетел друг за дружкой.
Но тучи сердились.
Но тучи шептали: слышно! вы!
(Они душно вырвались по-русски)
И облачки усадились рядом,
И все вместе помчались к новым яслям.

конец 1908

Сутконогих тлюх и кобышек
Прозвенели, промчались полем.
Время шерстки их тола,
Длины плывут взоры тлаз.

нач. 1908

И еще отрывок:

Ушкунничья кровь горяча:
Кистенем да печеночным ножиком
Он с крутого плеча
Расхлабывал.
И валялся боярин - из кожи ком -
У коня под копытом, у быстрого.

Студент просмотрел эту мою черновую работу, вздохнул, улыбнулся:

- Надо это печатать, а не... вообще...

- Ну пока что, - перебил я посетителя, - мы напечатаем ваше "Искушение грешника". Убежден - Шебуеву это понравится.

Студент быстро привскочил, обрадовался, потер лоб:

- Очень приятно. Не ожидал... вообще...

- Ваш рассказ не подписан. Пожалуйста, подпишитесь.

И студент подписался:

"В.Хлебников".

Пришел Шебуев, познакомил, показал "Искушение грешника".

Через пять минут просмотра Шебуев сказал:

- Прекрасно. Необычайно. Напечатаем.

Я вышел вместе с Хлебниковым.

Сначала мы пошли ко мне пить чай, а потом к нему: очень хотелось узнать, как он живет, где, при каких условиях.

Был поражен: Хлебников жил около университета и не в комнате, а в конце коридора квартиры, за занавеской.

Там стояла железная кровать без матраца, столик с лампой, с книгами, а на столе, на полу и под кроватью белелись листочки со стихами и цифрами.

Но Хлебников был "не от мира сего" и ничего этого не замечал.

Как бы в качестве "аванса" я предложил ему двадцать рублей.

Но на другой день у него не было ни копейки.

Он рассказал, что зашел в кавказский кабачок съесть шашлык "под восточную музыку", но музыканты его окружили, стали играть, петь, плясать лезгинку, и Хлебников отдал весь свой первый аванс.

- Ну хоть шашлык-то вы съели? - интересовался я, сидя на досках его кровати.

Хлебников рассеянно улыбался:

- Нет... не пришлось... но пели замечательно. У них голоса горных птиц.

Плескиня, дева водных дел,
Радея красоте,
Играла и сияла, служила немоте
И крыльями грустными воздела темноте.

нач. 1908

Мужуния и мужуния
Вдвоем ворожили на общем кусте.
Что было - не знав. Что еси - не хочу.
Что будет - радая. Что будет - молчу.

нач. 1908

Женун и женун,
Мы одни в лесной дремле.
Мы друг в друга влюблены.
На подруги, на жены!
Мы друг в друга влюблены.
Погубовники! Погубовники!
На невесты, на жены!
Мы друг в друга влюблены.
Мы одни в стране зеленой.

нач. 1908

Студент сел на краешек стула, снял фуражку, потер высокий лоб, взбудоражили светлые волосы, слегка по-детски открыл рот и уставился на меня небесными глазами.

Так мы молча смотрели друг на друга и улыбались.

Мне он столь понравился, что я готов был обнять это невиданное существо.

- Вы что-нибудь принесли?

Студент достал из кармана синий тетрадь, нервно закрутил ее винтом и подал мне, как свечку:

- Вот тут что-то... вообще...

И больше - ни слова.

Я расправил тетрадь: на первой странице, точно написанные волосом, еле виднелись какие-то вычисления, цифры; на второй - вкось и вкривь начальные строки стихов; на третьей - написано крупно: "Мучоба во взорах", и это зачеркнуто, и написано по-другому: "Искушение грешника".

Сразу мои глаза напали на густоту новых словообразований и исключительную оригинальность прозаической формы рассказа "Искушение грешника".

Тогда я достал свою тетрадь и показал студенту.

Там на первой странице стояли столбиком слова:

Вода нежится.

Небо водится.

Ручеек-журчеек.

Солнце солнится.

Цветины.

Ветвины.

Шелесточки-листочки.

Встречаль.

Звучаль.

Укачаль.

Чурлив-курль, чурлив-курль.

Веснеяночка-птичка:

Циа-цинц,

Ций-цивий.

И дальше - начало "Осени":

Затянуло небо парусиной

Пахнет мокрой псиной.

Одинокая, как я,-

Сука старая моя.

Сука-скука.

Василий
Каменский

ПУТЬ
ЭНТУЗИАЗМ

Хотя и не найдём мы у Каменского той формы крепкой, литой или гранёной, велика сила богатейшая в его поэме "Стенька Разин", про которую Хлебников писал:

"Каменский в прекрасной вещи "Стенька Разин" искусно работал над задачей так разместить на цветущем кусте 100 соловьев и хаворонков, чтобы у них вышел Стенька Разин".

В его "Застольной", посвящённой Великому парню Давиду Бурылку, первому застрельщику и громовержцу будетлинскому, вы найдёте не в столь сильной степени выраженные, сухие поэтические основности предыдущей поэмы.

В другой вещи "Прощаль Лебединая" вы услышите песнь любви печальной, перед вами промелькнёт в чистоте прозрачной и грустной ивовый селянский вид.

¹⁾ Временник, I-й. Обзор.

Дарю
СЛОВО О ПОЛКУ
БУДЕТЛИНСКОМ
Василий
Каменский

Вашинский Каменский ПУТЬ ЭНТУЗИАСТА

Изд. "Федерация", М., 1931 г.

...В первый раз в "Весне" начали печататься: Хлебников, Н.Асеев, Игорь Северянин, Шкловский, Придворов (Демьян Бедный), Арк. Бухов, Пимен Карпов, Л. Рейснер, М.Пришвин.

И многие из теперь известных.

...Однажды в квартире Шебуева, где находилась редакционная комната, не было ни единого человека, кроме меня, застрявшего в рукописях.

Поглядывая на поздние вечерние часы, я открыл настежь парадные двери и ожидал возвращения Шебуева, чтобы бежать в театр.

Сначала мне послышались чьи-то неуверенные шаги по каменной лестнице.

Я вышел на площадку - шаги исчезли.

Снова взялся за работу.

Опять шаги.

Вышел - опять исчезли.

Я тихонько спустился этажом ниже и увидел: к стене прижался студент в университетском пальто и испуганно смотрел голубыми глазами на меня.

Зная по опыту, как робко приходят в редакцию начинающие писатели, я спросил нежно:

- Вы, коллега, в редакцию? Пожалуйста.

Студент что-то произнес невнятное.

Я повторил приглашение.

- Пожалуйста, не стесняйтесь. Я такой же студент, как вы, хотя и редактор. Но главного редактора нет, и я сижу один.

Моя простота победила - студент тихо, задумчиво поднялся за мной и вошел в прихожую.

- Хотите раздеться?

Я потянулся помочь снять пальто с позднего посетителя, но студент вдруг попятился и наскочил затылком на вешалку, бормоча неизвестно что.

- Ну, коллега, идите в кабинет в пальто. Садитесь. И давайте поговорим.

... Не к постижению только
идем мы, как дуднильные и
двухрукие пойкиватели, но
и не на ходулях учености,
легкими летчиками к поэзии
Камилли мы - все едины
для единого покаяния ВСЕВЕДЕНИЯ.
Божидар

Будучи одним из основоположников полка будетлинского, он был одним из авторов творения "Садок судей" - первый взрыв мозгопашней, гулким перекатом прошедший в свежих, не вспаханных еще юношеских мозгах.

Русь. Разухабная вольность; бесшабашная весель; любовь, тоской овитая, в печальной раме русского сельского зрева, вот что довлеет в творениях поэта. Метким словом "Титина домашняя" обозвал его А с е е в.

Темный
Дни
ТРЕТИЙ КУЗНЕЧИК

/К "Кузнечикам" В.Хлебникова

и Э.Каммингса/

Сыну Андрею

трепещет знак-кузнечик

над полем и под небом! -

/знак - Разуму: быть стражем!

самим собою быть/ -

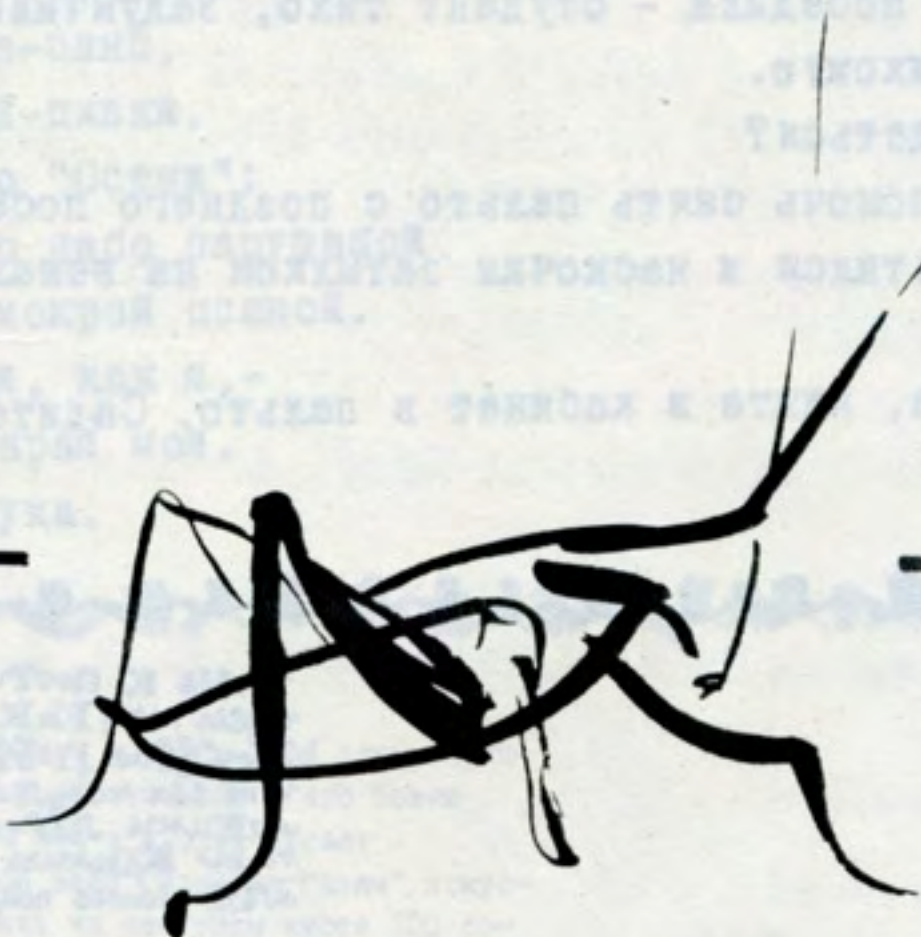
знак препинанья

из окрасок двух:

немного Поле

и немного Бог

1967

Интересно сколько получаетъ Хлѣбниковъ за свои стихи на которые въ належащій очевидно, и продѣлана эта небольшая спекуляція.

ВЕЛИМИР ХЛѢБНИКОВЪ

Кузнечикъ

Крылышками золотописемом
Монотонныхъ жужжанъ,
Кузнечикъ в кузовъ пуза угодилъ
Прибрежныхъ много странъ и веръ.
„Пинь, пинь, пинь!“ — тарарахнулъ зинзиверъ.
О, лебедиво!
О, озари!

/1902-1909/

„Четыре птицы“ такъ называется книга стиховъ изд. к-вомъ К. Изъ нихъ: первая (В. Хлѣбниковъ), одна боевая (Д. Бурлюкъ), одна домашняя (В. Каменскій) и одно чучело набитое. (Г. Золотухинъ.)

теория и практика

ИЗРЪЛВ АДЪ

часть I 1909 - 1922

СУМЕРКИ N IO + I

АВАНГАРДА озокозку оишар-08 н

2221-2021

Геннадий	АЙГИ
Лев	АРЕНС
Николай	АСЕНЗ
Бошпан	БОЖИДАР
Наталья	ГОНЧАРОВА
Василий	КАМЕНСКИЙ
Алексей	КРУЧЕНЫХ
Михаил	ЛАРИОНОВ
Казимир	МАЛЕВИЧ
Петр	МИГУРИЧ
Борис	ПАСТЕРНАК
Григорий	ПЕТНИКОВ
Дмитрий	ПЕТРОВСКИЙ
Татьяна	СУХОМЛИНА
Павел	ФЛОРЕНСКИЙ

Владимир
Хлебников

Тихон	ЧУРИЛИН
Роман	ЯКОБСОН

Авторская орфография и пунктуация — СОХРАНЕНЫ.

Г. Кузнецов

к 80-летию
русского
авангарда

теория и практика

ИЗРАБАТ

часть I 1909 - 1922

СУМЕРКИ N 10 + I

к 80-летию русского АВАНГАРА

ЧИТАТЕЛЬ
НЕ ДОВИ ВОРОН
!*

Геннадий АЙГИ
Лев АРЕНС
Николай АСЕЕВ
Боллан БОИДАР
Наталья ГОНЧАРОВА
Василий КАМЕНСКИЙ
Алексей КРУЧЕННЫХ
Михаил ЛАРИОНОВ
Казимир МАЛЕВИЧ
Петр МИТУРИЧ
Борис ПАСТЕРНАК
Григорий ПЕТНИКОВ
Дмитрий ПЕТРОВСКИЙ
Татьяна СУХОМЛИНА
Павел ФЛОРЕНСКИЙ

Велимир
Хлебников

Тихон ЧУРИЛИН
Роман ЯКОВСОН

Авторская орфография и пунктуация — СОХРАНЕНЫ.

Владимир
Хлебников

ИСЬ МЫ КАК

2)

ЗІГ было числом Председателей Земного Шара. Я вступил в их число одним из первых и вышел только в 1917 году, когда Хлебников обратил его в кунсткамеру, записывая в Председатели то Вильсона и Керенского, то Али-Серара и Джуги только потому, что это были первые арабы или абиссинцы, каких он встретил, то христианских братьев из Америки: м-ра Девиса и Вильяма.

"Общество быстро развивается и крепнет", пишет в это время Хлебников, "особенно живописна подпись Али-Серапа" ("Временник" № 4, изданный Василиском Гнедовым). Это объяснялось стремлением Хлебникова к идее интернационала, а также говорило о широте его плана, когда он вводил туда такое разнообразие индивидуальностей, профессий, наций, дарований. Он знал, конечно, что это далеко от "настоящего", от истинных Председателей и занимался скорее этим, как игрой. Это было важно для него, как знак в будущее, как пророчество - и все средства и фигуры в игре были хороши.

Однако, возвращусь к первому дню существования "ЗІУ". Собрались на Воздвиженке, где жил тогда Золотухин.

Что это были за великолепные вечера у Золотухина!

Мы доставляли сырой материал наших работ над шумами (Золотухин потом тоже присоединился к работе), а Хлебников потом едва касался их и из сырой земли всходили, и на глазах зацветали живые ростки и цветы, и лицо его при этом тоже зацветало.

Золотухин говорил:

- Я уверен, если бы свесить в этот момент Хлебникова, - вес его должен быть меньше обычного! - таким одухотворением дышала вся его громадная фигура.

3173173173173173173173173173173173173173173173173

д) 48 — число, найденное Хлебниковым, как число сил земли (см. "Союз молодёжи", сборн. 3, "Разговор учителя и ученика").

1-ЫЙ ЛИСТЪ ИЗЪ 317.

ПЕРЕЧЕНЬ. АЗБУКА УМА.

М—дѣленіе нѣкотораго объема на неопредѣленно большое число частей, равныхъ ему въ цѣломъ. М—это отношеніе цѣлаго предѣла строки къ ея членамъ. Мука, молотъ, млинъ, мѣлъ, мягкій. Мышь. Мочка. Л—переходъ движенія изъ движенія по чертѣ въ движеніе по площади, ему поперечное, перестѣкающее путь движенія. $L=V-T$. Лобъ, латы, лыжи, лодка, летъ, лужа (движеніе вѣса), лава—растянутый строй.

С—движеніе посланныхъ неподвижной точкой нѣсколькихъ точекъ, подъ узкимъ угломъ и въ одномъ направленіи. Солнце, сіять (лучи), сыновья, сой (потомство неподвижнаго предка), семья, сѣмя, соль (лучъ правителя). К—переходъ силъ движенія въ силы сцѣпленія. Камень, закованный, ключъ, покой, койка, князь, колъ, кольца. Ш—сближеніе и уменьшеніе числа поверхностей при сохраненіи ихъ площади. Союзъ поверхн. въ одну. Также наибольшій объемъ въ наименьшей и наиболѣе гладкой поверхности. Шить, ширь, шутъ, шаръ. Шумный=безрогій. Шорохъ, шумъ, шамкать. Щ—наибольшая поверхность при данномъ объемѣ. Изобиліе угловъ. Щерть, шель, щедровитый, шерба, щовба, шурить.

З—созвучное колебаніе отдаленныхъ струнъ. Раздѣленные дрожанія одного происхожденія и числа колебаній. Отраженіе. Зеркало, зой (эхо) зыбь (отраженная буря), змѣй двигающ.ся отраж.ся. Звать, звѣзды, зорька, заря, зарница (отраженіе молніи), зѣнь, зракъ, озеро, зудъ—боль безъ причины, отраженная.

Ч—Оболочка. Поверхность, пустая внутри, налитая или обнимающая другой объемъ. Черепъ, чаша, чара, чулокъ, чрентъ, чоботы, черевики, черепаха, чехоль, чахотка. В—волновое движеніе, вращеніе=вѣтеръ, вихрь, вить, валъ, волость, волны, ворота, время возъ вратъ, волчокъ, высь (брошенное въ нее возвращается), вервѣе, виръ, ворота вертятся какъ и волчокъ. При завываніи вертится звукъ. Врагъ заставляетъ повернуть прямое движеніе, лучъ круга. Вѣсъ, причина вращенія земель кругомъ солнца.

П—Движеніе, рожденное разностью давленій; порохъ, пушка, пить, пустой. Переходъ вещества изъ насыщеннаго силой давленія въ ненасыщенное, пустое, изъ сжатого состоянія въ разстѣянное. Пѣна, пузырь, прахъ, пыль. П по значенію обратно К. Кузнецъ сковываетъ, печь, пушка, порохъ, пыль, пѣна, пузырь, пуля разстѣиваютъ прежде собранное вещество. При П мы имѣемъ свободные въ одномъ измѣреніи пути для движенія вещества отъ сильнаго давленія въ слабое. Напр. Печь=пищаль=пушка=пружина=право=путь=падъ=пузо=пасть=горло для титя и пищи, пасти, править для разности давленій воль, палить. Въ печи дрова обращаются въ дымъ. Перунъ maximum воли и давленія. Ж—свобода двигаться независимо отъ сосѣдей. Отсюда жидкій и живой и все около воды, жабы, жаба, жажда, жалга. З—здѣсь есть отдѣленіе сухого, полного движенія, начала отъ воды, борьба огня и воды. Въ дрезнемъ разсудкѣ между водой и временемъ (прошедшимъ) протянута черта равенства. Отсюда родство ждаты и жаждать Ж—часто отдѣленіе воды отъ огневого начала.

Х—нуждающіеся для роста въ прикрытіи (помощи, защиты). Хилый, охранять, холя, хибарка, хата, храмъ, хлѣвъ! похищать, хлѣбъ; хирѣющій. Также охранители—хоробрые, хуторъ—хижина разрушающіе защиту—охальничающіе, хоятъ, хула—вторженіе въ защищаемое; холодъ. Ховаться—прятаться. Хохоль, холка—защищаетъ глаза. Володать и волость=холодать говорятъ объ общихъ точкахъ теплоты и жизни. Х—это то, что не существуетъ внѣ покрововъ, само по себѣ осужденное не существовать, хитрый=двуличный=спрятанный. То что кладется въ другіи мѣста, т. Хлѣбъ искусственно разводится. Хоронить, хвостъ. Разрушающій природу Т—это часто остановки движенія—тынь, только тѣнь, тіять, туча. Точка. Теплота рождается остановкой движенія.

Д—переходъ части изъ одной силовой области въ другую. Даръ, дань, дочь (покидающая свое племя), дѣлить, дробь, доля.

Т—закрытое для зрѣнія и луча свѣта, темя, тыль (головы), темъ, тѣнь, туча, тіять. Уничтоженный природы торъ, закрывающее вещественное движеніе, тынь, точка; тяжелый—мѣшзущій двигаться; уничтоженіе луча жизни, тухнуть. Языку присущъ лучевой взглядъ на жизнь. Сіять имѣетъ дѣло съ общей огневой точкой и множествомъ исходящихъ лучей (солнце). Сой—родъ имѣетъ дѣло съ общей родовой точкой—нѣкоторымъ предкомъ и многими потомками.

Если С—движеніе прочь отъ неподвижной точки (ростъ пути, постоянство угла) то В—движеніе около неподвижной точки (постоянство пути, длины и ростъ и перемѣна угла) волосы, вѣтки, вѣять. Въ воскѣ и ваяніи влагъ и водѣ мѣняется уголъ частицъ, но общая длина ихъ и мѣсто постоянны. Вращаться, вертель, винтъ, веретено, вѣнокъ, вихрь, веревъ, валъ подчеркиваютъ, что именно эти два условія постоянство длины и перемѣна угла создаютъ круговое движеніе.

В. Хлѣбниковъ.

ПЕРЕЧЕНЬ. АЗБУКА УМА.

М—дѣленіе нѣкотораго объема на неопредѣленно большое число частей, равныхъ ему въ цѣломъ. М—это отношеніе цѣлага предѣла строки къ ея членамъ. Мука, молотъ, млинъ, мѣлъ, мягкій. Мышь. Мочка. Л—переходъ движенія изъ движенія по чертѣ въ движеніе по площади, ему поперечное, перестѣкающее путь движенія. $L=V\sqrt{t}$. Лобъ, латы, лыжи, лодка, летъ, лужа (движеніе вѣса), лава—растянутый строй.

С—движеніе посланныхъ неподвижной точкой нѣсколькихъ точекъ, подъ узкимъ угломъ и въ одномъ направленіи. Солнце, сіять (лучи), сыновья, сой (потомство неподвижнаго предка), семья, сѣмя, соль (лучъ правителя). К—переходъ силъ движенія въ силы сцѣпленія. Камень. закованный, ключъ. покой, койка, князь, колъ, кольца. Ш—сближеніе и уменьшеніе числа поверхностей при сохраненіи ихъ площади. Союзъ поверхн. въ одну. Также наибольшій объемъ въ наименьшей и наиболѣе гладкой поверхности. Шить, ширь, шуть, шаръ. Шумный=безрогій. Шорохъ, шумъ, шамкать. Щ—наибольшая поверхность при данномъ объемѣ. Изобиліе угловъ. Щерть, шель, щедровитый, шерба, щовба, шурить.

З—созвучное колебание отдаленных струнъ. Раздѣленные дрожанія одного происхожденія и числа колебаній. Отраженіе. Зеркало, зой (эхо) зыбь (отраженная буря), змѣй двигающ.ся отража-ясь. Звать, звѣзды, зорька, заря, зарница (отраженіе молніи), зѣнь, зракъ, озеро, зудъ—боль безъ причины, отраженная.

Ч — Оболочка. Поверхность, пустая внутри, налитая или обнимающая другой объемъ. Черепъ, чаша, чара, чулокъ, чрень, чоботы, черевики, черепаха, чехоль, чахотка. В — волновое движение, вращение = вѣтеръ, вихрь, вить, валъ, волость, волны, ворота, время возъ вратъ, волчокъ, высь (брошенное въ нее возвращается), вервие, виръ, ворота вертятся какъ и волчокъ. При завываніи вертится звукъ. Врагъ заставляетъ повернуть прямое движение, лучъ круга. Въсь, причина вращенія земель кругомъ солнца.

П—Движение, рожденное разностью давлений; порохъ, пушка, пить, пустой. Переходъ вещества изъ насыщеннаго силой давленія въ ненасыщенное, пустое, изъ сжатого состоянія въ разсѣянное Пѣна, пузырь, прахъ, пыль. П по значенію обратно К. Кузнецъ сковываетъ, печь, пушка, порохъ, пыль, пѣна, пузырь, пуля разсѣиваютъ прежде собранное вещество. При П мы имѣемъ свободные въ одномъ измѣреніи пути для движенія вещества отъ сильнаго давленія въ слабое. Напр. Печь=пищаль=пушка=пружина=право=путь=падъ=пузо=пасть=горло для зитя и пищи, пасти, править для разности давленія воль, палить. Въ печи дрова обращаются въ дымъ. Перунъ maximum воли и давленія. Ж—свобода двигаться независимо отъ сосѣдей. Отсюда жидкій и живой и все около воды, жабры, жаба, жажда, жалга. З—здѣсь есть отдѣленіе сухого, полного движенія, начала отъ воды, борьба огня и воды. Въ дрезнемъ разсудкъ между водой и временемъ (прошедшимъ) протянута черта равенства. Отсюда родство ждаты и жаждать Ж—часто отдѣленіе воды отъ огневого начала.

Х—нуждающийся для роста въ прикрытіи (помощи, защиты). Хилый, охранять, холя, хибарка, хата, храмъ, хлѣвъ! похищать, хлѣбъ; хирѣющей. Также охранители—хоробрые, хуторъ—хижина разрушающіе защиту—охальничающіе, хоять, хула—вторженіе въ защищаемое; холодъ. Ховаться—прятаться. Хохоль, холка—защищаетъ глаза. Володать и волость=холодать говорятъ объ общихъ точкахъ теплоты и жизни. Х—это то, что не существуетъ внѣ покрововъ, само по себѣ осужденное не существовать. хитрый=двуличный=спрятанный. То что кладется въ другіи мѣста. т. Хлѣбъ искусственно разводится. Хоронить, хвостъ. Разрушающій природу Т—это часто остановки движенія—тынь, только тѣнь, гіять, туча. Точка. Теплота рождается остановкой движенія.

Д — переходъ части изъ одной силовой области въ другую. Даръ, дань, дочь (покидающая свое племя), дѣлить, дробь, доля.

Т—закрытое для зрѣнія и луча свѣта, темя, гыль (головы), темь, тѣнь, туча, тягъ. Уничтоженный природы торъ, закрывающее вещественное движеніе, тынь, точка; тяжелый—мѣшающій двигаться; уничтоженіе луча жизни, тухнуть. Языку присущъ лучевой взглядъ на жизнь. Сіять имѣетъ дѣло съ общей огневой точкой и множествомъ исходящихъ лучей (солнце). Сой — родъ имѣетъ дѣло съ общей родовой точкой—нѣкоторымъ предкомъ и многими потомками.

Если С—движение прочь от неподвижной точки (ростъ пути, постоянство угла) то В—движение около неподвижной точки (постоянство пути, длины и ростъ и перемѣна угла) волосы, вѣтки, вѣять. Въ воскѣ и ваяніи влагъ и водѣ мѣняется уголъ частицъ, но общая длина ихъ и мѣсто постоянны. Вращаться, вертеть, винтъ, веретено, вѣнокъ, вихрь, веревъ, валъ подчеркиваютъ, что именно эти два условия постоянства длины и перемѣна угла создаютъ круговое движение.

В. Хлебниковъ.

ВРЕМЕНИКИ

Н. К. Бонецкая Антиномия языка П. А. Флоренского
Studia Slavica Hung. 32/1 - 1. 1988

В то же свежее время Хлебников ещё верил в реальное значение своего общества, он надеялся путём печати и корреспонденции привлечь в общество лучших людей своего времени и, установив связь по всему земному шару, диктовать правительствам Пространства.

"Захватить в руки Государства Времени лучших людей.

И, таким образом, заставить Государство Пространства считаться с Государством Времени". (Из его письма).

Хлебников даже мечтал иметь центральную станцию, где бы могли происходить "слёты" ЗИ7, а также совещания путём телефонов, радио и прочее. Место постройки этой станции он намечал на одном из островов Каспийского моря, куда мы с ним однажды из Астрахани должны были поехать, захватив с собой опытного инженера-архитектора, который после должен был представить проект постройки такой усовершенствованной станции; за отсутствием "инженера" поездка не состоялась.

Итак, Хлебников решил предложить вступление в "ЗИ7" некоторым, по его мнению, близким "идее Государства Времени" лицам, в том числе Вячеславу Иванову и о. П.Флоренскому.

В этот же вечер — 29 февраля 1916 г., в Касьянов день, отправились мы вдвоём с Хлебниковым к Вячеславу Иванову. Кажется, он дал свою подпись на опросном клочке Хлебникова, во всяком случае, вечер провели хороший и серьёзный.

Вячеслав Иванов любил и ценил Хлебникова, только жалел, что тот уходит от поэзии и увлекается своими "законами", хотя самому ему идея Хлебникова — свести все явления к числу и ритму и найти общую формулу для величайших и мельчайших и, таким образом, возвысить мир до патетического — была близка.

Вскоре собрались и к Флоренскому — Хлебников, я и Кухтин.

Всем, бывшим в Сергиевом Посаде, известны блинные лотки. Не успеете вы заглянуть в крашеный (Юоновский) монастырь, вас выволакивают с ковровых санок торговли блинчиками и зовут куда-то направо, в Яр.

— Одиннадцатый.

— Восьмой.

— Тринадцатый. Не позабудь тринадцатый. — Этого только и нужно было Хлебникову.

Возглас "Тринадцатый" вышиб его из санок.

(Тринадцать было его любимое число).

Еле уговорили мы его побывать всё-таки в храме и тотчас же спустились в тринадцатый. Уселись. Спросили традиционных блинчиков.

И вдруг — цыганка. Да какая: тощая, глаза угольями, точно у Рублевских древних икон лицо. И прямо к нам. Меня по голове погладила, назвала "сиротой", и, хотя это было ни с чем не сравнимо, — я это внутренне почувствовал и принял.

Потом к Кухтину, что-то насчёт его шеголеватой святости.

Виктор Владимировичем она занялась обстоятельно... Впервые, совершенно неожиданно для нас, назвала его "коммерческим характером", — я уже заподозрил было её ясновидение, — потом что-то "о голове, которую он бросает, а сам её за пазуху прячет".

Чем дальше она говорила какой-то захлёбывавшейся скороговоркой, как бы не по своей воле, гипнотизируя наше внимание, именно этим медлительным каким-то, и выпаливала откровения о нём, держа нас всё время в напряжении, наличность которого определилась, когда она ушла.

Кончила тем, что ещё раз посмеялась над красивой бородой К., обозвала меня "сиротой" и, уже погасшая от недавнего возбуждения, попросила денег. А, впрочем, на плате не настаивала и тотчас же ушла, так же неожиданно, как и появилась.

Стали спрашивать, кто она, где живёт?

Узнали, что зовут Аграфеной, живёт там-то. Отправились к о. Павлу. Немного подтянулись. Вошли, как школьники в келью отшельника. О. Павел не удивился, хотя не знал никого даже по имени. Разговор вёлся вокруг "законов времени". Красноречивый Кухтин немного мешал хорошему молчанию. О. Павел говорил нам о своём "законе Золотого Сечения", о том музыкальном законе по которому известная лирическая тема (настроение) у разных поэтов одинаково даёт преобладание тех или иных шумов, строится на определённой шумовой формуле. После Хлебников подверг такому опыту пушкинский "Пир во время чумы", кажется, это отпечатано в первом "Временнике", издания "Лирень".

О "Председателях" Хлебников почему-то умолчал.

П. А. Флоренский
в языке
футуристов

- 5) Слова умирают, мир вечно юн. Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена. Лилия прекрасна, но безобразно слово л и л и я захватанное и изнасилованное. Поэтому я называю лилию еуы — первоначальная чистота восстановлена.
- 6) Давая новым словам, я приношу новое содержание, где все стало скользить (условность времени, пространства и проч.) [...].
- 7) В искусстве могут быть неразрешенные диссонансы — «неприятное для слуха» — ибо в нашей душе есть диссонанс, которым и разрешается первый. Пример: дыр, бул шыл и т. д.
- 8) Всем этим искусство не суживается, а приобретает новые поля.²² Нечто подобное высказывает и Н. Кульбин.

А. Крученых и В. Хлебников поясняют эти тезисы: «Живописцы будетляне любят пользоваться частями тел, разрезами, а будетляне речетворцы разрубленными словами, полусловами и их причудливыми хитрыми сочетаниями (заумный язык). Этим достигается наибольшая выразительность, и этим именно отличается язык стремительной современности уничтожившей прежний застывший язык. [...] Этот выразительный прием чужд и непонятен выцветшей литературе до нас, а равно и напудренным эго-пшютистам (см. «Мезонин поэзии»)» [5, с. 12].

XIII. На словотворчестве сосредоточены по преимуществу русские футуристы. Правила же словосочетания почти не привлекли их освободительного пыла, отчасти по пройденности этого пути уже западными футуристами, еще же более — потому, что русский синтаксис, сам почти футуристически-свободный, предоставляет личности безграничный простор, и требует не расторжения своих граней, а скорее неустанного чекана. Напротив, стесненность романского синтаксиса, особенно замороженность французского, уже давно вызвала на бунты. В «Техническом манифесте футуристической литературы» Ф. Т. Маринетти провозгласил 11 мая 1912 года:

1. Нужно употреблять глагол в неопределенном наклонении, ибо только таким образом может быть передано чувство непрерывности жизни и эластичности интуиции, воспринимающей ее.
2. Нужно уничтожить прилагательное, чтобы существительное сохраняло свою основную окраску. Прилагательное несовместимо с нашим динамическим мировоззрением, ибо оно предполагает паузу, остановку.²³

Но неопределенное наклонение — это то же существительное, отглагольное существительное, герундий. Следовательно, реформа синтаксиса заключается в устранении всех частей речи, кроме существительных. Вопреки самосвидетельству футуристов, можно усумниться, чтобы такая онтологизация языка в самом деле соответствовала мироощущению современности, упоенному бешеным темпом электро-аэропланно-кинематографической жизни и ненавидящему покой. «Мы возвешаем, что великолепие мира обогатилось новой красотой — красотой скорости» (6, с. 36), — заявляет манифест. По мнению футуристов, «человеческая чувствительность, под влиянием великих научных открытий, совершенно обновилась. Почти все, кто в настоящее время пользуется телеграфом, телефоном, граммофоном, железной дорогой, велосипедом, мотоциклетом, автомобилем, океанскими пароходами, дирижаблями, аэропланами, кинематографом и большими газетами (дающими синтез мирового дня), не думают, что это оказывает решающее влияние на наше сознание» [6, приложение, с. 12]. «Не заботясь о нелепых определениях профессоров, я объявляю вам, что лиризм есть очень редкая способность опьяняться жизнью и опьянять ее собой [...]. Вообразите, что ваш друг, обладающий даром лиризма, находится в зоне повышенного напряжения жизни (революция, война, кораблекрушение и т. д.) и рассказывает только что пережитые им ощущения. Знаете, что инстинктивно сделает ваш друг, начиная свой рассказ? Он резко разрушит синтаксис во время разговора, не будет тратить времени на длинные периоды, уничтожит пунктуацию и порядок прилагательных и бросит вам поспешно в нервы все свои зрительные, слуховые и вкусовые ощущения, по прихоти их безумного галопы. Напряжение пара эмоции взорвет трубу периода, клапаны пунктуации и прилагательные, которые обыкновенно расстанавливают наподобие болтов. У вас будут целые пригоршни существенных слов без всякого условного порядка, так как

Он — Вас. Вас. Каменский как поэт; Я — он же как человек.
«Мимо нас в долину пролетела ласточка.
Он крикнул ей:
— Вить-карм.

Я мог бы спросить Его о значении этих слов, но почувствовал, что н
Я почти понял.
Мне кажется, что рождение слов является разрывностью соединенной

нъ данъ окейны! Многочисленные запросы непонимаю-
ашивающими нарѣчія таджиковъ.

е надо.

воли двух творчеств.

²² См.: «Грамоты и декларации русских футуристов», СПб. 1912.

²³ См.: Г. Тастевен, Футуризм. (На пути к новому символизму). С приложением перевода главных футуристических манифестов Ф. Маринетти. М. 1914, с. 27. Говоря о футуристах Запада, П. А. Флоренский ориентируется на это издание.

Каждый молод молод молод
В животе чертовский голод
Так идите же за мной...
За моей спиной.
Я бросаю гордый клич
Этот краткий спич!
Будем кушать камни травы
Сладость горечь и отравы
Будем лопать пустоту
Глубину и высоту
Птиц, зверей, чудовищ, рыб,
Ветер, глины, соль и зыбы!...

(Д. Бурлюк) [5, с. 8-9].

И хорошо, что футуристы так заговорили — и заставили выслушать себя. Подлив этого кипятка и дерзостей к тающему снегу общественной мысли, они подогрели последнюю на несколько градусов. Дурачась и озорничая, они одерживали победу, и прежде всего — труднейшую: заставили к себе прислушаться. Их бесшабашность нарушала чинный тон литературы и не считалась с накрахмаленной ее жесткостью: теперь — и противники их порою сами «будетляниствуют». В 1910 году вышла первая книга футуристов — «Садок Судей», напечатанная на оборотной стороне обой. О ней, — продолжу свидетельством В. В. Каменского, — о ней «стали много говорить. Всех поражала оригинальность, смелость, неожиданность, крайность, молодость. Критика конечно заквакала во все болото, Рыцарей исканий называли в газетах — Обойные Поэты — анархисты — сверх-декаденты — кучка желающих прославиться — футуристы — клоуны-американцы» [4, с. 103]. Но «клоуны» не унывали, вербовали себе новых сотрудников, ураганным огнем метали в читающее общество книги, брошюры. «Московская зима (1913 года. — П. Ф.) расцвела бурно. Футуризм разлился океаном. Василий Каменский, Давид Бурлюк, Владимир Маяковский после ряда отчаянных выступлений (с Крученых и Хлебниковым) в Москве и Петрограде, получили приглашение на гастроль по России.

Маяковский ездил в ярко шелковых распахонках, в цилиндре.

Давид Бурлюк — в сюртуке, с неизменным лорнетом, с раскрашенным лицом, в цилиндре.

Василий Каменский — в коричневом костюме, с нашивными яркими лоскутами, с раскрашенным лицом, в цилиндре. [...] Улицы Харькова, Одессы, Киева, Ростова, Баку, Тифлиса, Казани, Самары, Саратова и второстепенных городов оказались не менее взволнованными, чем землетрясением.

Всюду театры были переполнены возбужденными массами.

Газеты встречали и провожали шумным треском столбцов исчисленных критиков» [4, с. 130].

Все это — «дела давно минувших дней». Бунтари вошли в берега и занялись иным. Но нам, уясняя свою мысль, удобнее остановиться на той, — уже отошедшей в предание, волне. «Декларация слова, как такового» возведена в 1913-м году Алексеем (Александром) Крученых в следующих тезисах:

- 1) Новая словесная форма создает новое содержание, а не наоборот.
- 2) Согласные дают быт, национальность, тяжесть, гласные — обратное — всееленский язык. [...]
- 3) Стих дает (бессознательно) ряды гласных и согласных. Эти ряды не прикосновенны. Лучше заменять слово другим, близким не по мысли, а по звуку (лыки — мыки — кыка).

Одинаковые гласные и согласные, будучи заменены чертами, образуют рисунки, которые неприкосновенны (напр. III-I-I-III). Поэтому переводить с одного языка на др. нельзя; можно лишь написать стихотворение латинскими буквами и дать подстрочник. Бывшие п[о]с[л]а[н]и[и] п[е]р[е]в[од]ы лишь подстрочники, как художественные произведения, они — грубейший вандализм.

- 4) Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятиями), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения (не застывшим), заунывым. Общий язык связывает, свободный позволяет выразиться полнее. (Пример: по оснег кайд и т. д.).

— По поводу недоумения съ названіемъ книги „Ой кони-
шихъ его могутъ легко быть удовлетворены изученіемъ спр

глаголом в неопределенном наклонении и заменять прилагательные отвлеченными существительными, а также отменить пунктуацию, особенно в поэзии. «Словотворчество, разрушение синтаксиса и освобождение слова, подчинение слов ритму, являются реализацией идей Малларме» [6, с. 29].

Но и Малларме, пытавшийся воплотить эти начала в речетворчество, не был их открывателем: первоисточник их — тот же Вильгельм Гумбольдт. Имею в виду главным образом его понимание речи, как непрерывного целого, отдельные элементы коего рождаются на этом лоне и, следовательно, подчиняются ритмической закономерности целого, но не — образуют, напротив, целое своею суммой. «Речь течет непрерывною рекою и говорящий всегда имеет в виду только совокупность выражаемых им мыслей, пока не приходит время, когда самый язык делается предметом мыслящего наблюдения. Нельзя и представить, чтобы образование языка начиналось названием предметов отдельными словами и только в продолжении своем достигало соединения слов (синтаксиса). Не речь составила из слов, а, наоборот, слова произошли из органической совокупности речи. Тем не менее существование отдельных слов ощутительно непосредственному чувству говорящего [...], потому что образование слов составляет существенную потребность речи. Объем слова составляет границу, до которой простирается самостоятельность образовательной силы языка. Слово есть полный, распутившийся цвет языка; в слове язык дает свое окончательное произведение. [...] И в речи слова являются иногда изолированными; но правильно отделять их из непрерывного течения речи удается только меткому взгляду гения языков совершеннейшего устройства: это такой пункт, на котором языки всего яснее обнаруживают свои преимущества и недостатки» [2, с. 72].

XIV. Но, исторически, новшества футуристов — отнюдь не *futurum*, а *plusquamperfectum*; правильно указывая на иные возможности языка, футуристы кажется забывают, что путь к осуществлению — презираемый ими пессимизм; однако отсюда не следует, чтобы те или другие отдельные попятные движения были нецелесообразны. Тем не менее развитие языка в истории идет именно от «футуризма» к современности. «Радостное изумление самому языку, ощущаемое при его воспроизведении в живой речи по требованию каждого мгновения, мало-помалу уменьшается. Деятельность народа, от речетворчества, переходит больше на употребление языка [...]. Удивление и радость переходят теперь к отдельным изречениям. Песни, молитвенные воззвания, изречения, сказки, возбуждают желание выделить их из потока мимолетного разговора: они сберегаются, разнообразятся, делаются предметом подражания — и вот первые зачатки л и т е р а т у р ы. Это образование духа и языка мало-помалу переходит от совокупности народа в преимущественное обладание отдельных лиц: язык передается в руки певцов и учителей народа [...]. Впоследствии являются г р а м м а т и к и [...]. Им не принадлежит собственно творчество; они не могут навязать народу ни флексии, ни обычая сливать со словами приставки в конце или в начале. Но они выбрасывают одно, обобщают другое, сглаживают неровности, пополняют пробелы [...]. В этой сфере они являются истинными законодателями, воссоздавая впрочем эти законы из беспредельного запаса предлагаемого им языка [...]. В течение времени язык не раз может подвергаться такой обработке; но чтобы он делался языком образованным, оставаясь в то же время народным, надобно, чтобы он правильно и непрерывно переходил от народа в руки писателей и грамматиков, а от них обратно в уста народа [...]. Может настать и такое время, когда язык своим собственным развитием как бы пересиливает народный дух, который, оставляя в своем усилении самобытное творчество, пускается в пустую игру оборотами и формами, пристрастными первоначально из глубокомысленного употребления. Это — вторая д р а х л о с т ь языка, если первую почесть потерю силы создавать внешнее строение языка» [2, с. 185 — 186].

Гумбольдт отмечает и личный оттенок языка в устах каждого говорящего. «Каждый человек употребляет слово для выражения своей особой личности: оно всегда исходит от отдельного лица и каждое лицо пользуется им прежде всего лишь для самого себя [...] И нельзя сказать, чтобы проистекающие отсюда неровности сглаживались в этом общем для всех органе. В языке, конечно, есть переходы от одной особенности к другой и эти переходы делают возможным взаимное понимание между людьми, но самые раз-

П. А. Флоренский
языковед
футуризм

Линия острого налёта ласточки близко и встречная стрела гл
щего полет, в творческом пересечении дают звук:

— БУИТЪ,

Линия отлёта и мгновенный взмыв вверх и испуганный рез отзвук:

— Карм.

Творчество ласточки заключалось в рисунке движения и в ссекаемого крыльями воздуха.

— Вчить-карм.

В. ЧР. ЧР. ЧР. ЧР. ЧР. ЧР. ЧР. ЧР. ЧР. ЧР. ЧР. ЧР. ЧР.

из Поэта, наблюдая-

кий попорот кидают

виступаючим шуме, під-

Так наивно — приблизительно я (скрытая от Поэта
чества, понимая ясно, что хризолитовая линия падающе
вами — (да еще днем) будет походить на кишку, вымота
с. 127—128].

а) объясню момент словотвор-
й звезды — объясненная сло-
нную медведем из коровы» [4,

П. А. Флоренский
в языке
футуристов

единственной заботой вашего друга будет передача всех вибраций его я. Если этот рассказчик, одаренный лиризмом, будет сверх того обладать умом, богатым общими идеями, то он невольно будет постоянно связывать свои последние ощущения со всем, что ему экспериментально или интуитивно известно. Он накинёт на мир огромные сети аналогии, передавая таким образом жизнь телеграфным способом, т. е. с той быстротой, которую телеграф по необходимости развивает у репортеров, у военных корреспондентов в их поверхностных рассказах.

Эта потребность в лаконизме не только соответствует законам скорости, управляющим нами, но также многовековым отношениям между поэтом и публикой. Эти отношения очень походят на товарищеское отношение старых друзей, которые могут объясниться одним словом, одним взглядом. Вот почему воображение поэта должно связывать отдаленные вещи без всяких проводов, только существенными словами. [...]

Под беспроволочным воображением я подразумеваю абсолютную свободу образов или аналогий, выражаемых освобожденными словами, без проводов синтаксиса и без всяких знаков препинания» [6, прилож. с. 16—17]. Отсюда, далее, выводятся вышеупомянутые начала — устранение прилагательного, пользование неопределенным наклонением глагола, «оживление лиризма сырыми элементами реальности» [6, прилож. с. 20] чрез «звукоподражательные аккорды»; сюда же относятся резулирование быстроты стиля с указанием темпов (*diminuendo* и т. д.), типографские новшества, как-то применение 3—4-х красок на странице, пользование разными шрифтами до 20-ти включительно и «свободное выразительное правописание» [6, прилож. с. 22]: «Мы хотим теперь, чтобы лирическое объяснение не располагало более слова по порядку синтаксиса прежде, чем выразить их через различные дыхания, изобретенные нами. Мы приходим, таким образом, к словам на свободе. Кроме того, наш лирический хмель должен свободно деформировать, преобразовывать слова, укорачивая или удлиняя их, увеличивая их центр или окончания, увеличивая или уменьшая количество гласных или согласных. Мы получим таким образом новое правописание, которое я называю свободно выразительным. Эта инстинктивная деформация слов соответствует нашей естественной склонности к междометию. Что за беда, если деформированное станет двусмысленным. Оно будет лучше сливаться с аккордами междометий или синтезами шумов и позволит нам скоро прийти к звукоподражательному психическому аккорду, звуковому и в то же время абстрактному выражению эмоции или чистой мысли» [6, прилож. с. 23]. Все эти провозглашения — не новости; Г. Тастевен отметил, что Стефан Малларме († 1898 г.), в своих «Divagations» «не только создал футуристическую поэтику, но предсказал опыты русских кубо-футуристов: Крученых, Василиска Гнедова. Так, он определенно сказал, что внесение принципа музыки в поэзию приведет к разложению стиха на первоначальные элементы языка» [6, с. 24—25]. Он указывает на несоответствие звука слова и его идеи (например, *lumière* вызывает светлые тоны, *jour* — темные) и поэтому искал совершенного языка, названий, соответствующих вещам.

Малларме же потребовал удлинения или укорочения слов, сообразно преобразованиям ритма. Он же «называет стих идеальным мистическим словом, которое отдельные слова переплавляет, претворяет в новое, совершенное коллективное слово, не существующее в языке» [6, с. 26]. Осуществленный на деле, этот принцип аттракции слов ведет к сrostанию, деформации и взаимопроникновению слов, подобно тому, как взаимно проникают формы в картинах кубистов или минералы в кристаллических двойниках. Так у Константина Олимпова:

Оазис — гамаюн, кудесно успокоясь,
Младенчит пальмное окно.
Издальне дробит звон — пустынный богомолец, —
Опеньяв молчное зерно.

Дальнейшее же применение тех же начал ведет к исчезновению слов и образованию из слов отдельных ритмических комплектов. Наконец, Малларме же оставил синтаксическую конструкцию; поэт для него — законодатель слов, сочетающий слова, по ему лишь ведомым законам. Он же советует избегать слов, материализующих отношение предметов, пользоваться

иных причин памяти. Логическая прозрачность речи при этом затуманивается, но сила непосредственного напора возрастает. «Глубирь» — существо, живущее в глубине; «закипей нас» — «заставь нас кипеть» — словообразование при волнении приятного.

Это-ли. Нет-ли.
Хвои шуют, шуют.
Анна, Мария, Лиза-нет
Это-ли-Озеро-ли.
Лулла, лолла, лалла-гу.
Лиза, лолла, лулла-ли.
Хвои шуют, шуют,
Ги-и, — Ги-и-у-у
Лес-ли, — озеро-ли.
Это-ли.
Эх, Анна, Мария, Лиза
Хех-тара.
Тере-дере-дере... Ху.
Холе-кулз-нээ
Озеро-ли. Лес-ли
Тю-и
ви-и... у.²⁷

Это убедительно. Ну, конечно, хвои «шуют», а не делают при ветре что-либо другое; звук их непрерывен, а шуметь может только прерывистый, прерывающийся колебаниями звук листьев: и в слове «шум» — есть задержка и разрыв звука. В словах, даже поверхностно разбираемых, часто находится сторона звукоподражательная: тут же она усиливается или дифференцируется. Звукоподражания, конечно, не новинка, и даже далеко отстоят от некоторых более замысловатых поделок такого же рода, где не голыми звуками, воспроизводятся звуки только, но, более того, словами и даже осмысленными предложениями одного языка звуки, а то и слова и осмысленные предложения иного языка. Примером звукоподражания словами может быть хотя бы всем известная сыздетства украинская шутка

Мария лен тре,
Сам пан теля пася.

передающая звуки языка французского. Примером более труднойковки — похвальное слово своему учителю писателя XVII-го века Льва Моденского,²⁸ — звучащее сразу на тех двух языках, на которых покойный вел с ним свое преподавание. Ниже приводимое стихотворение может быть прочтено безразлично по-еврейски, или по-итальянски. Вот оно:

Kina chemor oime che pass ozerbo.
Chi nas ce nuor oime pas acerbo.
Col tob eilom cosi or din elzilo.
Colto vien l'huom, cosi ordine il cielo.
Mose Mori Mose iakar deber bo.
Mose Mori Mose gia car de verbo.
Sam thousia jam kipour honze lo.
Santo sia ojn huom con puro zelo.
Cala meitab iarnai sen zouri asser bo.
Challa meta giamai senza reserbo.
Iarib an maveth ra aim can iarpelo.
Arriv' huom mavodran en cangiar pelo.
Sephina beim nal el ober iarneno.
Se fin habbian chal nel celo vero ameno.
Halem ionba sebi iassai' semeno.
Va l'huom vaseviva assai se meno.

П. А. Флоренский
Связки
рутур

ности от этого скорее усиливаются, чем ослабляются: потому что разъяснением и уточнением понятий в языке тем яснее доводится до сознания, как глубоко лежат корни этих разностей в особенном умственном настроении отдельных лиц [...]. Каждый язык способен как бы делиться на бесконечное множество языков для отдельных личностей в одном и том же народе, и все это множество языков, в сравнении с языками других народов, является одним целым, которое резко отличается своим характером» [2, с. 187].

XV. Но, оставив споры о приоритете, посмотрим, что же именно творят «будетляне».

Мне думается, их творчество может быть распределено по четырем разрядам в возрастающей степени новизны. Первый разряд новообразования — это образование слов, заменяющих собою более громоздкие выражения, но построенных аналогично уже существующим формам других слов: таковы: «осупружиться», «окалошиться», «офраться», «онездешниться», «поверхноскользие», «дерзобезумие» и т. д.

Детскому языку свойственно постоянное кипение подобного словообразования, как не чуждо оно и языку народному. В основе, против таких образований возражать никто не может, кроме разве предостережения, не пойти по легкому пути поверхностных аналогий, и тем затемнить какие-нибудь глубокие различия, которые не позволили в языке возникнуть предлагаемому данному новшеству. Слова вроде «голубель» — обозначение небесной голубизны, «журчей» — обозначение ручья, звукоподражательных вроде, «чурлюжурчить»²⁴ звучат убедительно, но, конечно, надо еще хорошенько подумать, не обойдется ли доверие к этой убедительности слишком дорого, если мы примем их в состав языка.

К речетворчеству второго разряда следует отнести орнаментальное, — так сказать, арабесочное пользование словом. Звук не теряет еще своей грамматической формы, но форма служит здесь не логической функции смысла, а лишь, или почти лишь, системой угловых зеркал, многократно и разнообразно отражающих один, или небольшое число, корней.

Эта формальная разработка корня или нескольких корней имеет и некоторый, весьма скромный, логический смысл. Но производится она не ради него: она являет красоту звука, дает понятие ценность самого материала речи — стихийную основу, из которой возникает и логическая речь, и тем острее заражает непосредственно-стихийным содержанием слова.

Вот стихия улыбки, переходящей в смех:

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,

О, засмейтесь, усмеяльно!

О, рассмешиш, надсмеяльных — смех усмейных смехачей!
О, засмейся, рассмеяльно смех надсмейных смеячей!

Смейево, Смейево,

Усмей, осмей, смешики, смешики —

Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

Так, в приливе нежности, или другого чувства, развиваются и многократно преломляются темы слов — всяким, но с меньшею талантливостью. Или, вот:

Я смеярышня смехочеств
Смехистелинно беру
Нараскаянных хохочеств
Кинь злооку — губирю.
Пусть голочичь, пусть хохотничь
Гопо гоп голопей
Словом дивных застрекочет
Нас сердцами закипей.²⁵

К этому же постижению стихии речи, через еще большее освобождение ее от общей формы отнесем еще примеры — тонко выраженные переходы от восторга, прорывающегося через смущение и какую-то скрываемую от себя самого мысль: так, приблизительно, разрушает обычный строй речи человек, переполненный чувством, в особенности при ослаблении от усталости или

²⁴ Здесь П. А. Флоренский ссылается на издание: «Студия импрессионистов», книга 1-я, ред. Н. И. Кульбин, изд. Н. П. Бутковской, СПб. 1910, с. 4.

²⁵ В. Хлебников, стихотворение «Заклятие смехом».

²⁶ В. Хлебников, стихотворение «Черный ябурь».

²⁷ Е. Гуро, В. Хлебников, А. Крученых, Трое. СПб. 1913, с. 73.

²⁸ Леон, Иуда Арье из Модены — ученый, раввин и поэт, сын Исаака из Модены и Дианы Рахили, род. в 1571 г. в Венеции, умер там же в 1648 г. — Еврейская энциклопедия. Под общей редакцией А. Гаркави и Л. Каценельсона. Т. 10. СПб. 1914, столб. 165—168.

И: «Мал си кунб дравд бер па те ге не рю ри ле лю бе хо мо ло ре рюк крюд итрп би пу...» [7, с. 117], далее того идущее по пути разложения слова, тем менее подлежат разбору критики, а вдобавок вовсе не занято, хоть и напечатано на цветной бумаге.

Еще дальше, и разложенное слово оставляет на бумаге кляксы, даже не выговариваемые. Так, из какой-то мифической книги «Рекорд».

Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ Ъ
63 333 3330
Ха дур тан
Еси Еси [7, с. 140], —

вероятно ребус, разгадывать который мне нет времени (3-я строчка, читаемая наизусть, дает «на трудах»), в котором только и есть хорошего, что Ъ, да еще в таком количестве, в наше время радующий взор. Таковы неудобочитаемые стихи из одних согласных:

Счтрп трг ждвр
Смк чпр вчнц [7, с. 140],

или из одних гласных:

О е а
и е и
а е е

Сюда же относятся вензеля из слов, букв и знаков препинания, вроде:

и к
к и
о л
лика ве по
л пол
е о е
в в в
о е
л [7, с. 140]

или

— кси
.....?
.....?
.....? [7, с. 140].

И т. п. Нет никаких оснований отрицать, что у авторов подобных произведений в минуту творчества могла быть полнота экстаза: но бесспорно и то, что переживаемое ими не облеклось в всечеловеческую умную словесность, а потому, может быть и заумное, не воплотилось, и только на Страшном Суде выяснится, не есть ли вся эта поэзия — шаловливая проделка, — ребусы, которых из приличия лучше не разгадывать. Но будем методологически доверчивы и примем все эти opus'ы без хитростей и «без обиняков», за чистую монету.

Эти точки и черточки, гласные и согласные, пачкающие бумагу, — наименьшая степень воплощенности, почти не отличаются от чистого словесного ничто. Поэтому был естествен в истории футуризма и переход к «Поэме» Василиска Гнедова, где на чистом листе написано одно только слово: «шиш», и, далее, тоже, с позволения сказать, к «поэме» — Чистому листу, где нет ни букв, ни даже знаков. И опять: никто не смеет (— методологически отстраняю все подозрения —), никто не смеет, не залезая в совесть автора, сказать о субъективной его неискренности или об его мистификаторских наклонностях. Нет, в момент такого творчества Василиск Гнедов или А. Крученых мог быть (опять держусь методологического доверия), мог быть очень углубленно живущим и очень подлинно творящим.

Да, творил, но не сотворил. Ему лист бумаги казался, спьяну, дивной поэмой, читатель же держит в руках — лист и только лист. Тамошная поэма может быть самым глубоким из заумных неизреченных глаголов: но их «не лететь человеку глаголати»: и заумный язык нуждается в Логосе. Это подобно тому, как бесовское золото, полученное в исступлении магического заклятия, оказывается при свете дня только калом. Когда начисто сглаживается антиномичность языка, то тем самым начисто уничтожается и самый язык.

П. А. Флоренский
Связи
футуризма

Стихотворение, ниже приведенное, подражает говору восточного города и передает общую звуковую картину, доносящуюся с рынка в открытое окно.

Хан хан да даш
Шу шур и дес
Виларь ягда
Суксан кардекш
Мак са Мак са
Яким ден зар
Вакс бар дан як

Заза

Сю сеч базд и
Гар е зда бе
Мен хатт зайде
Вин да чок ме.¹⁹

XVI. До сих пор мы находимся в области сказанного удачно или слабо, но допускающей оценку. Можно доказать свое суждение о «смеюнчиках» или «хан хан да даш», ибо известно, что требовалось осуществить и потому можно взвесить, насколько поставленная цель достигнута. В приведенных выше примерах есть *lóyos*, хотя по иному, чем в обычной речи.

Совсем особо стоят два последующие разряда речетворчества футуристов. Нельзя сказать, чтобы в них *lóyos* отсутствовал; но его там не видно и, поскольку не видно, постольку и самые творения выходят за пределы оценок. Отсюда не следует, что они не удачны; но, стремясь стать до конца субъективными, они и становятся такими, а потому объективно решать, удачны они, или нет, тоже нет возможности. В этих *ориз*'ах, как их величают авторы, нет ничего вселенского, нет ничего словесного. Может быть, они превосходны, может быть, никуда не годны, — судить не читателю. Тогда автору? — Нет, и не автору, если он искрен в своей заумности, ибо, если он воистину и насквозь за-умен и потому бес-словесен в своем творчестве, то и сам он не знает, что долженственно воплотиться у него в звуке, а потому не может и судить — воплотилось ли.

Мало того, за-умный язык преследует высшую степень натуральности, полную непосредственность своего выявления: слово насилует непосредственно-ощущаемое, и только развязанное до чистого звука оно достаточно гибко, чтобы быть звуко-речью глубин. Но тогда-то именно, со устранением логической формы, устраняется и самое суждение подлинности. При полной бессловесности, стон души, насквозь искренний, никак не отличим от шуток или подделок, не выражающих никакого внутреннего движения. Мы не знаем, что воплотить хотел поэт, и *ориз* его не дает никакого «что». Подлинно ли, и — если подлинно, — удачно ли его «кака»? Первое неведомо никому, кроме автора, и остается на его совести, а второе — неведомо даже и автору, если даже чиста его совесть насчет подлинности за-уми. Явно, что это уже не поэзия, если сначала надо исповедывать поэта.

Крученых, уверяет, что в его, ныне прославленном,
дыр, бул шыл и т. д.

«больше национального, русского, чем во всей поэзии Пушкина». Может быть, но именно, только «может быть», но может быть — и наоборот. Мне лично это «дыр бул шыл» нравится: что-то лесное, коричневое, корявое, всклокоченное, выскочило и скрипучим голосом «р л э з» выводит, как немая дверь. Что-то вроде фигур Коненкова. Но скажите вы: «А нам не нравится», — и я отказываюсь от защиты. По-моему, это подлинное. Вы говорите: «Выходка», — и я опять молчу, вынужден молчать. И «перевертни», вроде

Кукси кум мук и сук,²⁰

за исключением свойства читаться взад и вперед одинаково бессмысленно, не дает более того почвы для общечеловеческих суждений; что же касается до вышеупомянутого свойства, читаться прямо и наоборот, то оно было давно известно, но не исключало, притом, в так называемых в теории словесности «Палиндромонах», — и осмысленности, например, в известном со школьной скамьи «перевертне» Державина —

«Я иду с мечем Судия».

¹⁹ Антон Лотов. Мелодия Восточного Города. В кн.: Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник», книга 22, СПб. 1914, с. 141. П. А. Флоренский использует две статьи К. Чуковского из данного сборника: «Эго-футуристы и кубофутуристы» и «Образцы футуристических произведений. Опыт хрестоматии».

²⁰ В. Хлебников. Перевертень. «Садок Судей II», с. 20.

SERGE SEGAY
SVERDLOVA 175
353660 EYSK SU

BRAIN-ART

Мамі друзам

Трун

Митурч

Тунин

Тамин

ХлбНислов

Масковскому

Арени

Толстому

Теминскому

Петербург 1918

Артур Море

На западе блистательной ракетой взлетел в будущее англичанин Уэллс и застыл, словно луч прожектора, освещая летящие облака.

Француз Анри Бергсон, опираясь на упругий трамплин прошлого, сделал отчаянный прыжок, повис в воздухе, озираясь, следуют ли его примеру люди.

В растерянной Евразии, наконец, выступает Хлебников со своей изумительной поэмой "Ка".

Хлебников, подобно герою этой поэмы, египетскому двойнику души Ка, "В столетиях располагается удобно, как в качалке". "Не так ли и сознание, — говорит далее Хлебников, — соединяет времена вместе, как кресло и стулья гостиной".

В космогонической поэме этой, дышащей восточной поэзией, Хлебников даёт нам изумительнейшие зрелища с временным сдвигом.

К одному из подобных, самому восхитительному, относится (представьте себе пейзаж Гогена) изображение берега океана.

"Грань суши, выявленная ничтожная полоска сути, об неё ударяются волны необозримой массы влаги океана — невыявленного. И на этой песчаной отмели одновременно встречаются индивиды, как представители народов из различных пластов времени".

Не останавливаясь на исследовании творчества как самого Хлебникова, так и последующих авторов¹⁾, мы выявляем здесь творческий характер и основу каждого будетлянина в отдельности, не выделяя, однако, будетлянина из общей его среды-кормилицы будетлянства.

Возвращаясь к Хлебникову, отметим, что он является характерным выразителем мудрости Востока.

Поэтому прав, конечно, Новалис, утверждая, что "На Востоке истинная математика у себя на родине. В Европе она выродилась в сплошную технику".

В то время как Уэллс стоит на стальных ногах, неизвестно, из какого материала ноги Хлебникова.

Уэллс по рельсам — последнее слово техники — разъезжает во времени, нажимая попеременно назад — рычаг, вперёд — рычаг. Хлебников, азиатский дух, одновременно и в прошлом и в будущем и довлеет настоящим. Нельзя про него сказать с Бергсоном: "Опирайтесь на прошлое, склоняйтесь над будущим, присуще живому существу".

Не похож он и на немецкого фантаста Гофмана, в котором в высшей мере преобладает *genius loci* немецкой *gemütlichkeit*.²⁾

Попробуйте засадить Хлебникова в стекло, взорвал бы он гофманскую бутылку.

Хлебников — длительная беспрерывная взрыва шрапнели во всех направлениях.

Позади него бергсоновский эволюционизм; он восхитил германское учение о прерывчатости.

П

Исследования творчества Хлебникова, Чурилина, Петникова и др. посвящены особые монографии, из которых первые две почти уже готовы к печати. Статья о первом: "Велимир Хлебников — основатель будетлян" была напечатана под псевдонимом В. В. Л. в журнале "Книга и Революция" за 1922 год №9-10. — Здесь и далее примечания автора статьи. /Воспроизведена в журнале "Милета" /Париж/ — спецномер к 100-летию Хлебникова. Ред./ 2/ *gemütlichkeit* — сердечность, добродушие /нем./

Лев
Аренс

СЛОВО О ПОЛКУ БУДЕТЛЯНСКОМ

При сем творение мое
"Слово о полку Будетлянском"
Притче дружески его,
Не постигайте негражданским!

15 XI 28.

Тихону
Урилику
посвящается

Н о в а л и с говорил:

"Нет ничего поэтичней, чем воспоминание и предчувствие или представление о грядущем. Представления о древних временах нас влекут к умиранию, к улетучиванию. Представления о грядущем нудят нас к животворению, воплощению, к уподобляющей действительности. Потому всякое воспоминание грустно, всякое предчувствие радостно. Первое умеряет слишком большую жизненность, второе вздымает слабую жизнь".

У человечества миллионы ликов обращены назад, лишь у немногих озарены они грядущим.

XX столетие началось бурными и великими разрушениями, но это лишь способствовало рождению новой русской синтетической поэзии.

Цитане

впервые - сб. "Руконог" 1914г.

Борис
Пастернак

От луча отливився смолюю,
Не алтым оглуженных кос,
В яловых пруженых уаоля
Молдавян сбивается обоз.

Обленились чуда града-Заграда,
С молодичей обезкоб и смерда:
Тверда обуе, обузаеет небо,
Тверда стеножит, разнузаеет Тверда!

Жародею Жогу, соподвижну
Твоего девицья младежа,
Деву, деву, растомленной мышцей
Ты отдашь, долони сложа.

Жглом полуд пьяна напропалую,
Запахнешься ль подлою полонь,
Жоли он в падучей поцелуя
Сбил сорочку солнечевой скулой.

И на версты. Только с пеклай вышки
Взлокотая, крошка за крохой,
Кормит солнце хворую мартышку
Бубенца облетной шелухой.

/ 1914 /

мною
ю кь

ПИРШЕСТВА

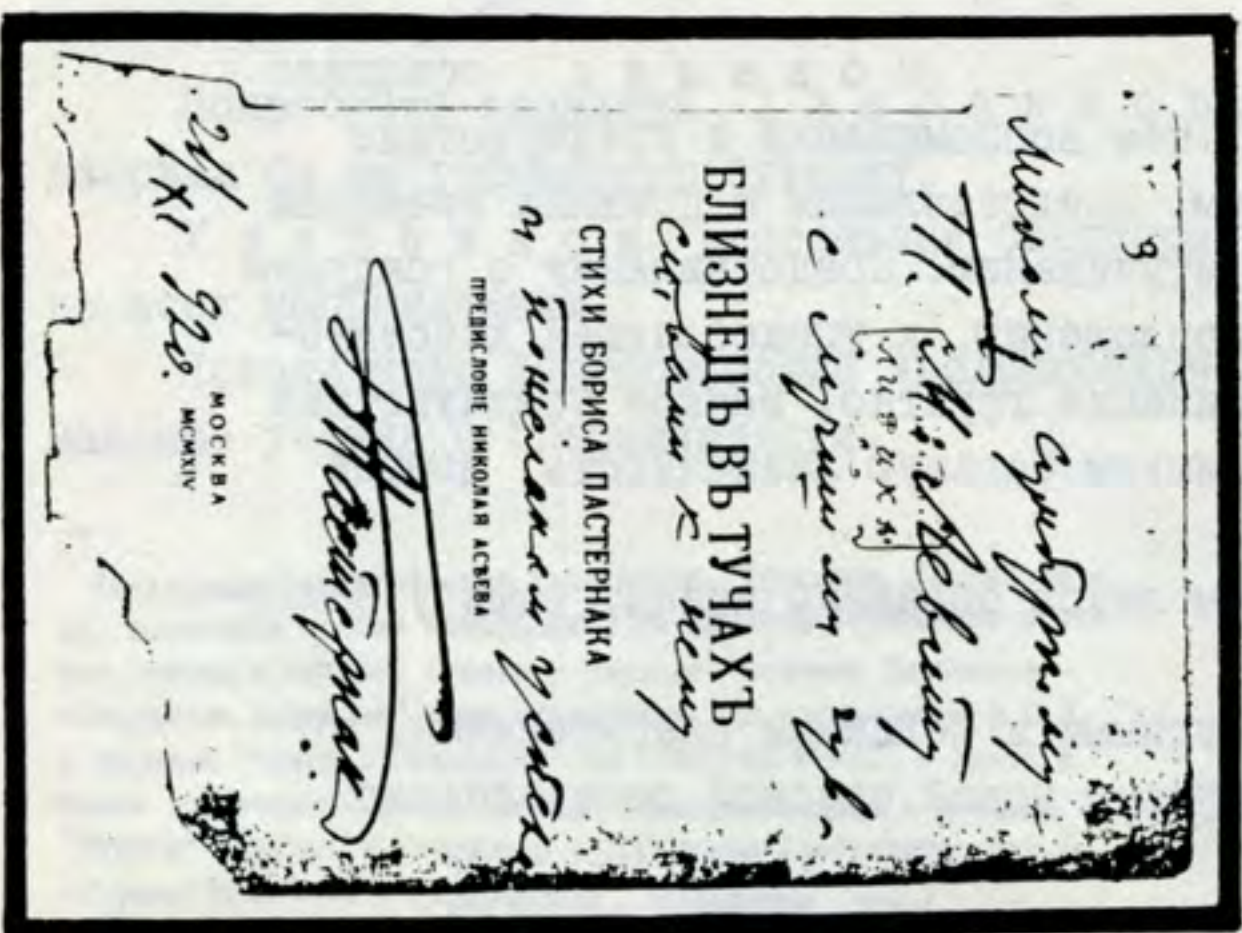
Борис
Пастернак

Пью горечь туберозъ, небось осенних горечь
И въ них твоихъ измѣнь горящую струю,
Пью горечь вечеровъ, ночей и лѣдныхъ сборищъ.
Рыдающей строфы сырую горечь, пью—

Земли хмельной сини, мы трезвости не терпимъ,
Надеждъ лѣтскихъ лисей обываема вражда.
Унылый вѣтръ ночей—тѣхъ заранить линочернѣе,
Которымъ, какъ и намъ,—не сбѣгаться никогда

Не рѣзаетъ молна тѣхъ необычныхъ трапезъ
Чей съ жалостію ночь опустошить крещонъ,
И крохи вставъ ночныхъ скитальческихъ аялестъ
На утро подбереть, какъ крошка Самаркандъ

И Золушки шагъ, съ самоупраство
Не нарушаютъ графства чопорнаго сна
Плохда въ хрусталахъ небурныхъ аста
Во груди туберозъ не прекратитъ она

огро
ность

"...ces satres contemplatives
dont l'origine etait aussi inconnue
que celle du vent on que"
La demence des vieilles lunes...

J. Barbey d'Aurevilly.

"Цыгане" — одно из лучших стихотворений П а с т е р н а к а .
Кого из поэтов не пленяло это древнее, неразгаданное племя,
оголённая, жаркая плоть человеческая.

"В тот день, когда они исчезнут, мир потеряет, правда, не
добродетель, но одну частицу своей поэзии", — заключает свою
статью о цыганах С е н - В и к т о р .

И кому, как не народу русскому, благодаря смежности земель
славянских и азиатских, встретившему взор свой со взором азийс-
ким, так близка и дорога жизнь цыганская.

Краше всего она — в складке поэзии русской. Въявь, как ос-
лепительны и чародивы образы П а с т е р н а к а . Поистине,
прочтя его "Цыган", можно уверовать в переселение душ, или, быть
может, поэту, была домирным очагом утроба цыганская, или мы
вместе с Н о в а л и с о м должны согласиться, что "Поэзия
растворяет чуждое бытие в своём" и что "Поэт понимает природу
лучше, чем какой-нибудь учёный".

И действительно: "Люди сумели разобрать египетские иерогли-
фы и ниневейские клинообразные надписи, — говорил С е н -
В и к т о р , — никто ещё не разгадал загадку этого племени живе-
го и существующего. Обязанность ли философа, или натуралиста ра-
зобрать его душу, по-видимому, лишённую всех особенностей мышле-
ния и морального чувства. Народ без традиций, состоящий из инди-
видуальностей, лишённых памяти. Какое чудо сохранило этот слиток
столь подвижных молекул?

У него нет истории, придя к нам в сказочном облаке, он привык
жить в нём и так сгустил все тени, что сам не мог бы отличить
теперь реальности от своих вымыслов. Никаких воспоминаний о пер-
вобытной истории, никакой тоски по родной земле. Можно подумать,
что в первый же день своего исхода он перешёл вплавь реку забве-
ния".

Подстать только поэту подобная задача, и как мастерски вы-
полнил её П а с т е р н а к .

Молдаванская плоть, по природе своей обнажённая и пламенная,
раскалённая солнцем, упоенная звездью небесною, окована в русле
стиха крепкого, гранённого в форме своей.

Пылающая, живописная и красочная образность вертелью слад-
чайшего, чувственного кружит и пьянит нас.

ности. Какая-то громадная воля заключена здесь в каждую букву. Это холодные с
ы. Попробуйте разучить их-и Вы поймете что вы взорваны со всей Вашей благом

Когда за яры лабиринт
Поэты взоръ вперятъ,
Налъво глины снѣжъ Индъ,
А травъ уйдеть Енфратъ.

Горитъ немиллиный Эдемъ
Въ янтарныхъ днѣхъ вина
И небывалымъ бытѣмъ.
Точатся времена.

Меню низменную гнѣнь.
Ихъ ангелы вѣнесутъ.
Земля—сандалий ремешъ
И вновь Адамъ—разутъ.

И солнце—мертвыхъ губъ пробѣль
И снѣгъ живыхъ мошей
Того,—кто всей вселенной бѣль
Предсолнечныхъ ночей.

Ты къ чулу чуткость приготви
И къ тайнѣ первыхъ днѣй:
Курится рубежомъ, якобы
Между землей и нею.

Тыквигий
Анни

НА ТЕМУ

Божидара

а маска на ветке - лица тонина:

жизнь - боль на копье! -

и душа на копье:

/Лес-Мирозданье с единственной птицей:

с криком-душой/

26 августа 1965

зданное к-вомъ Центрифуга „Граспвоочное Идйинство“ Божидара явилось странным
могилѣ не могущаго защититься автора. Замышленная, очевидно какъ боевое

И ещё, как трепетно нам в вине зреть непостижимое, седого
человека, свойство прозорливости.

Крылатая вношеская поступь, непрестанное скольжение по краю
небытия.

"Двенадцать стихотворений - двенадцать ударов в лицо смерти.
Каждое сильно и страшно не в силу своей замогильной невозвратнос-
ти, а в силу своей нерождённой неожиданности. Какая-то огромная
воля заключена здесь в каждую букву. Это холодные снаряды огром-
ной взрывчатой силы".

Отсюда его хрупкая грусть, так ясно сквозящая в стихах,
что, на наш взгляд, сближает Божидара с Инокем -
тием Анненским.

Утренняя и вечерняя зори!

Поэт отчётливо являл себе относительность нашей познаватель-
ной способности и в то же время мудро признавал её ценность чело-
веческую.

И тем не менее упорно искал он, тот совершенный снаряд по-
знания, искание коего он сам же назвал древней бредней колдунов
о некоем мудростном камне. Тяжкий рок его постигнул!

Анне
СЛОВО О ПОЛКУ
БЕЛЫЙСКОМ

Божидар

"Если нынешних стихотворцев упрекают в отсутствии размеров, в разлаженности их звончатых лир — упрекают ложно: они только взметнулись за уставом: старинные обычные стихотворцы и не мечтали о том, но верны были лишь размером, ибо сил у них не было мечтать о большем. Только немногие из времен минувших проводили об единстве размеров".

"Стихотворец становится вольным, как никогда, но в вольности этой — его тягчайшее бремя, его строгий путь к познанию природы и себя и в смесительности познанных лика Божества". "Бедь кажущаяся лёгкость творить стихи без заданного размера, наоборот, становится тяготой, от которой радостно всегда хочет уклониться душа в привычное волнение размеров старинных.

Тяжко рождают так стихи, ведь каждое мгновение стих готов провалиться в говор, стать обычной речью и велико искусство творца, минувшего грозящие ему пасти".

Это из книги двадцатилетнего поэта Б о ж и д а р а "Распевочное единство", книги, написанной "великолепно горящим языком, с острыми и самобытными терминами, с новизной основных положений". Приведенные строки в достаточной мере вскрывают тончайшее филологическое исследование поэта.

Нас поражает проникновенное знание тайников сладостных речи русской, старческая умудренность юности.

Мы приведём ещё один отрезок из "Распевочного единства", чтобы в ясности была видна строгость и красочность прозаического языка писателя, а также тончайшее, мыслителя, умозрение.

"Но не точное исследование об оборотнях было моей задачей: в плоть облакал я умозрительную думу о всеобщем и окомном единстве, к которому стремится всё. Стопа, стих, стишие, стихотворение — уподоблением претворяются в разрастающиеся двигатели единого духовного двига творца.

.... вся движимая задача творчества устремляется в изыскание некоего единого размера — устава того дивного снаряда бытия, что есть совершенная вселенная, глухая думу о снаряде том — осколки думы Божества о своём едином теле, разрушенном бытии ради частичного существования особей.

Как марево в душе творца — образ этого устава, устремляясь к нему, он спотыкается о свои собственные орудия, каждый обладающий собственным размером движения, но, соединяя все эти раз-

мень" готовить къ печати „Распевочное Единство“ Божидара. Книга будетъ очищена и пополнена пропусками и новыми схемами. Книга будетъ напечатана in 8.

меры в одно, творец маревным уставом отражается (несовершенно) на устав вселенский, и в этом его высшее упоение бытия".

Каждый раз, упоминая имя Б о ж и д а р а , мы испытываем глубокое волнение.

Судьба, старая ведьма, не пощадила его, как не пощадила она другого — Н и ц ш е .

Мы недаром упомянули имя Н и ц ш е .

Вещи нити судеб обоих мозгопащев, в нашем представлении, сопоставлены в параллельности.

"Бубеньшик выскит из седла на скаку: из рук его вылетел бубен, покатылся, покатылся и обернулся маленьким веночком на могилу".

"Бубен", может быть, первый звук удара подросткового человечества — в неизбежное" (Н и к о л а й А с е е в).

"Бубен" — сборник стихов Б о ж и д а р а . Ещё немного стихов и прозы. Вот и всё, что оставил нам юноша-будетлянин.

Сильные качества восприятия мировой совокупности, также подлинно творческий вплотной подход к вещам, пленительное внедрение в вещи, как таковые, жизненное сосуществование в них.

ГРЕМЬ
ПЕРВЫЙ ВЫПАД
РОВЕСНИЦА БАШЕНЬ И СТЕН
А БСТНИЦА ДМ РА
УЛЕГЪ ИЗМЪМЪ
ЛЕСЪ И ДОМ РА
КРЕМЬ КРЕМЬ КРЕМЬ
ВЪ ОДНОМЪ АЫМЪ
ПРЕМИ ПРЕМИ ПРЕМИ
РУШАТЪБЕ ИМЪ
СЕРАЦУ БОИ И БОЛЪ
ОТРОКЪ ЦАРЬ
БОМЪ БОМЪ БОМЪ
НАБАЧЪ ПЩЕТНО
ЧЕРТОВЪ КЛЪТЪ КОЛОКОЛЪ
КОНЬ КОВАНЫМЪ ВЪ МАТОМЪ
БОИ, БОИ, БОЛЪ
ЗНАМЕНЪ ШАРЛАХОМЪ.

ГРЕМЬ
II
ПЛАМЕННЫЙ ПАРЪ ВЛАДЫКА
ПРОПЛЕСКАВШЕГО ПЛАМЕННЫЙ АА
НАРЪ АУШЕН ВЪШИННА
ЗЕРКАЛЪЗДЕ ВЕСНЫ СВЪТЛОШАПИ
ВЪЗЪТАМЪ ТИЛОМЪ АДЖАНЪ
АЛЪКАКАЯ ЖАЛОСТЬ
ЗЛАДЪ НА ИЗВОЗНИКЪ-
КЕРАЦЕ РАЗОРВАЛОСЬ.
НЕПАЛУТЪ СІЯНІЯ
НА ИЗАНЪ ВЕЛИКОИ
ПРОСІТЬ ПОДАНИА
ХИТРЫЕ КАЛІИ КИ
ГОЧАТЬ ПЕНЮ СІЕЗНУЮ
АЛЪ СІОТЪ — ПЛАМА
АДЖАНЪ СНАЧ ПРОЗНУЮ
МАШУТЪ АЛЪТЪ АЯМЪ.

ИТЕ ПЕЙТЕ БЪСИВО
ЫИ ПЕРЕБЪЖКИ
КАТАЙТЕСЬ ВЕСЕЛО
ЕРТОВОЙ ТЕЛЪЖКЕ
ИВАТЕСЬ ДОПЬЯНН
ЮЮ СЫТРА
СЫ КОПЯ НА
ТЬ УПЯТЫЙ!
ЧИ БЪЛАН
БОТЪ ЧУДЪ
ТА ПЕГАН
ЮДА
О ЗАПЕРТЫ
СНІСЯ
ПЕРГИ
ЕРИГИ

УЧЕНЬ ГОРОШ
ЭИВО ТРЕПАН
НИМАЛЪ НАДЪ
ИМАЛЪ ТРИ ПАЛЪ
НАВПОЛОВАВАН
ВАА ДАВЕЧЬ
ТРАЗОВАВАН
ЭТЪЛЪ НАВЗНАЧЬ
ЗАНОМЪ РОСТЕТЪ ВЪШИН
НЕБОМЪ СІЕЗЮ ОМЫН
ОСТРОГАНЪ
КАКУНА
ВЕСНЫ
ЫБИВАЕТЪ КОПЫТОМЪ

Ник. Асбев.
Дорогой
Андрей
поэту, вину
души...
БОМБА
СТИХИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛЪМАСТРОВА ГРЕМЬ
Г. ВЛАДИВОСТОКЪ
1921.

Н. АСБЕВЪ.

рис. Д. Бурлика

—одно изъ лицъ цѣльно
—не единообразно глинистая по

вергшійся тяжелому сомнѣнію:—Су-тужный—какъ-бы подвергшійся тучѣ—печали-

Силует трепетный еѣ, то в синеве неба на лужном просторе
или в степной необъятности, то сдвоенный серьезностью и холод-
ностью городском. Любовь его выплывает в космос.
Поля, степени, леса, города, села, воды, звериный мир вне-
ряются в поток его любовный. Промоздятся друг на друга, мелькают
гранями различными во взоре нашем.
Лицо любви его открыто явлениям мировым и человеческим, они,
в свою очередь, отражаются в нем, и отраженные ярчают слова, но
уже в нас.
Вал за валом, гребень за гребнем вздымается грудь поэта
страсть-любовь к небу.
В "Океане" столь мощно вылита она в форму, настолько выпук-
ла форма эта, что кажется, материал из которого создал
А с е в , не слова, а камень грановитый.

Бурлит казачья кровь в поэте, слагает мозг, даёт ей он во-
лю и дарит нам, в свежести и яркости небывалой, стихотворения
"Тунь" и "Гремль II-ой". Освятительнейший синтез восприятия древней
столицы нашей Москвы.
В этом разгуле, лущенном на полины, безудержный, казалось,
срок, чувствуется воля сильная.
Лётное слово его облетает легко город, страну, мир, за-
девает крылами множество губ, перекликая многоповторенным эхом²⁾.
"Песня Андрия", смертным овеет освещая, древне-русски
предельно насыщена.
Соннал, тусклая ночная куть в его стихии "Шепоть", "Тудом-
ная" полна печалью грустной.
"Осада неба", памяти поэта Б о ж и д а р а , по ритму и
формовке строгой подобна тверду алмазному.
И велик был стиха его скоронный и соратный парос.
Москва, 1917 год.
2) "Деторей", Москва. Липень.

Николай
Асеев

Осада неба
БОГДАНУ.

Сердечу отчаянная тлота
Не размелся временем пожар еще
Не изгибайте в диком строе
Вперед, вперед, вперед, **ТОВАРИЩИ!**

Эй, эй! Один склоняет веки
Хватая дробь губами мертвыми
Взвивайте горы, грозы, реки
Он наш, он наш, он вечно горд **Всми!**

Эй, эй! Он брат нам, брат нам, брат **Нст!**
Его, его земля и прав длинна...
Не будет здесь на ветле латном
Его дыханье окровавлено

Увидите: ни море это
На сухопутти и на **воздухе!**
Такая ль воля — не допета
Путь и не стало этой поступи...

Глади, глади больней и зорче
Еще, еще, еще на мир очуй,
Мы бьем, мы бьем по колунам копей
Идем, идем к тебе на выучу.

неполное бытие, состояние; связанное как материально или образно со словом Су-мракъ=неполный мракъ;—су мерки=не полный мракъ; мыслимой пары;—Су-кровица=сопровождающая кровоизлияние;—

...а встань, брати,
на свои брзны комоны,
да позыми синего донцу.

„Слово о полку Игореве“

В первом „Временнике“¹⁾ находятся два превосходных изыска-
ния. Одно принадлежит Хлебникову: Перечень. Лзбука
ума; другое: Ухват языка. Приставки — Николаю Асееву.
В то время, как у четырех предшущих чувственность закована, здесь
вдруг, из нагроможденных глыб, показывается живая плоть.

Алекс
Слово о полку
будет ланском
Николай
Асеев

страница из Предсказателя

До сих порь полагаю, напоминающе
разное значеніе слова
и объясняется г
ности отощ

На небѣ закатъ меланхолическій полусмеркъ.
Вселенной
Горизонтъ раздвинулся—
Головокружительно... Пылью засверкалъ фѳерверкъ
Планетный. Духъ кинулся
Въ вожделѣнный
Метафизическій міръ— неизвѣданный верхъ.

Ходули логическія, мучившія—я снялъ.—
Трясины
Заблужденій, мудрости
Силлогистической—пройдены; духъ радостно внялъ
Какъ таяли трудности...
О долины
Обворожительный—неба просторъ, васъ ли объялъ?

Вступаю, приплясывая, въ привѣтливыя поля,
Печалью
Упоенъ таинственной...
О, Уединеніе, нѣжная богиня, моля,
Къ тебѣ, я единственной
Чуть причаляю.
Ты принимаешь милостиво въ сумракъ меня...

Въ озеряхъ Забвенія—прохладномъ хрусталѣ
Купаюсь,
Забывая прежнее.
И высокомеріе взрослого меркнетъ въ стеклѣ
Озеръ. Неизбѣжны
Возрождаюсь
Благоговѣйно молящимся мальчиномъ Землѣ.

Окутанный сумракомъ дымчатой темноты,
Безвѣздной,
Улыбаюсь думая:
„Я въ небытіи... я въ прекраснѣйшихъ поляхъ пустоты.
О, Жизнь угрюмая,
Безвозмездно
Ты прожита!..“ И ложусь на душистые цвѣты...

Цѣлую цвѣты—благоуханныѣ уста,
Росою

1

Море горѣло намѣреньемъ,
Чтобы взбѣгающій гребень
Пѣною воздухъ одѣлалъ,
Чтобы синѣющій и непонятный
Боромъ окуталъ время
Судьбами. зеленую тѣлѣ.
Но убѣгая умирать,
Гуще глядясь на берегъ,
Дали рядами считая
Избывъ дорогую измѣну—
Довѣрій
На лоно! подъ шопоть пригорка
Траву зажигая восторгомъ
Ты будешь въ ушахъ какъ серьяга
Какъ плесь золотого разлива
Ты будешь горой велика
И лицами будешь сверкать
Лукаво мелькая—марина

2.

ТУГЬ М. М. УРЪЧИНОЙ
 ТЫ ВЪ МАСЪ ЗАБѢГНУЧЕЛОУ
 ПОЖАЖИ ВРЕШЬ МНМО
 А Я НАДОНЬ НАДОНЬ НАДОНЬ
 ЗОВУ ТЕБЯ ОУЧИНА
 НЕ СОНЬ МОЯ НЕТЬ МОЯ
 НЕ ГОЛОСЪ МОЙ НЕ ЗВУЧЕНЪ
 Я ГОРШИНН МУЧЕНАЯ
 ДО МАЛОСТИ ЗАМУЧЕНЪ
 И ТАМЪ РУКА И ТАМЪ НОГА
 ШАНЬ МЕЛЕНАЕВЪ
 А ЗАЩЕ - БРОЖУ, АЩЕ ВРАГА
 ЧТО ВПРЫГНУТЪ НЕ СМѢЮТЪ
 ПУСТЫННЫМЪ ЦАРЬМЪ ПОДЪ
 ПЕРЕПАМЪ РАДОУ
 А ТЫ ВЪ МНѢ ПИОМЪ ХОЖЕШЬ

В. ХАЪБНИКОВЪ.
БОЖИДАРЪ.
Г. ПЕТНИКОВЪ.
НИК. АСЪЕВЪ.

MOCKBA 1917.

Приставки.

23 - 24

5pg.

Григорий
Петников

ОКТАБРЬ В ПЕТЕРБУРГЕ.

Юрий Анисимов

I.

Когда заря на водах Невки
В мостах оставит сон течений.
Золотоперые упевки
В кострах иной простой ночи
Являют имя древних мщений.

II.

А с утра трехтрубный крейсер Аврора
Весь в сером дыме
Утренниц с Невы,
И всякий близкий водный шорох
Кусок сердец под флагом вздымет
На высоту поющих птиц.

III.

И вечер в чернях обводных
Поводит два глаза: зеленый и красный
Огни на мачтах,
И на Марининской броневике на отдыхе,
Дождями осыпанный праздник...

ОСЕННИЙ ОФОРТ.

И приход сентября без отчета
По восторгу горюющих мет
Узнаю голубин неизбывем,
Твой мелькающий мех ясеней.

Это золото встало по бредню
На убаве неметь и робеть,
Перед дующим поверху сретеньем
Колыхать облегченную ветвь.

И дичая и в чашах роясь
Загораться с рябиновых слов
Из-за морева грающий спас,
По лугам полыхающий лов.

Ловчих десять с потешной капели
В рукопашной сердец сентября
Ветропадом бродяжным напели
Сребропенную сыть соловья.

Потому от осенних потерь,
От пропаж, от полетя куста
Будет холода ранняя тверь
Занемлять радунцами уста.

Красная Поляна.

НИКОЛАЙ АСЬЕВЪ • ГРИГОРИЙ ПЕТНИКОВЪ

ЛЪТОРЪЙ

КНИГА СТИХОВЪ

МОСКВА 1913
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВРЕМЯ“

Г. ПЕТНИКОВЪ
П О Р О С Л Ъ
С О Л Н Ц А

стихи 1915 и 1916 г.г.). — Выходить новая книга стиховъ Григорія Петникова. (Стихи 1915 и

Так бесподобно характеризует основатель будетлянства творчество Петникова, чуть ли не единственного в настоящий момент будетлянина, сохранившего чистую линию будетлянства.

Его последний сборник "Книга Марии замги снега" полн ветренной свежести природы.

Подобно Новалису Маллармэ привлёк внимание Петникова. Слава в неосценённости забытого французского поэта, восстановлена и сияет в его переводах.

"Намеренно-искорченный, не то иероглифический, не то контраспунктический язык Маллармэ", как выразился К о н я в с к о й живомерно и животворно передан Петниковым.

Армс
СЛОВО О ПОЛКУ
БУДЕТЛЯНСКОМ

Григорий
Петников

"Ландшафт нужно ощущать как тело."

Новалис

Изыщество, строгость, бесподобная подлинность. Таковы качества его переводов Н о в а л и с а .

"Чем поэтичней, тем истинней".

Поистине поэтичность перевода П е т н и к о в а непревзойдённа.

"Поэт пользуется вещами и словами, как клавишами, и вся поэзия покоится на действительной сопряжённости идей, на самодейственном, умышленном, идеальном созидании случая".

Петников играет на тех же клавишах, что Н о в а л и с , и вместе с ним проникает в углублённую суть вещей.

"Внутри идёт таинственный путь".

"Если кто овладел ритмом мира, это значит, что он овладел миром".

Ритмика природы хорошо известна П е т н и к о в у .

Поэт растворился в природе... И вдруг мы увидали его многоликий, раздробленный в космосе образ. Воплощения и превращения его легки и непринужденны; то он мелькнёт дриадой в лесу, то ореадой или мариной, то словно радугой прорежет голубель или плугом взрежет землю.

Сопоставляя творчество Петникова творчеству Тютчева, по мысли И.И.Прейса, мы добавим, для уточнения характеристики творчества обоих: Тютчев шёл в космос, тогда как Петников исходит из него, для него космос есть первичное пребывание — Родина.

Слава в неопенённости забытого М а л л а р м э восстановлена и сияет в переводах П е т н и к о в а .
Хлебников в своей замечательной статье "О современной поэзии"¹⁾ высказывает следующие удивительные мысли о творчестве будетлян и, в частности, Петникова и Асеева.

"Слово живёт двойной жизнью.

То оно просто растёт, как растение, плодит звучных камней, соседних ему, и тогда начало звука живёт самовитой жизнью, а доля разума, названная словом, стоит в тени, или же слово идёт

¹⁾ Напечатана была в журнале "Вещь" № 3, Берлин.

на службу разуму, звук перестаёт быть "всевеликим" и самодержавным: звук становится "именем" и покорно исполняет приказы разума; тогда этот второй — вечной игрой цветёт другой себе подобных камней. То разум говорит "слушаюсь" звуку, то чистый звук — чистому разуму... Иногда солнце — звук, а земля — понятие, иногда солнце — понятие, а земля — звук... На каком-то незримом дереве слова зашвели, прыгая в небо, как почки, следуя весенней силе, рассеивая себя во все стороны, и в этом творчестве и хмель молодых течений.

Петников в "Быте побегов" и "Поросли солнца" упорно и строго, с сильным нажимом воли ткёт свой "узорник ветровых событий", и ясный волевой холод его письма и строгое лезвие разума, управляющее словом, где "в суровом былье влажный мнестр" и есть "отблеск всеневозможной выси", ясно проводят черту между ним и его солетником Асеевым".

больнице... Он не хотел больше жить без Бронки. И скоро умер. Вот его стихотворение о Хлебникове, которое я очень люблю: они ведь были близкими друзьями.

Песнь о Велемире

Выл человек в черном сюртуке
В сером пиджаке, — и вовсе без рубашки.
Выл человек, а у него в руке
пели зензивирь, тарарахали букашки.
Выл человек, Пред. земного шара.
Жил человек на правах пожара.
Строил дворцы из досок судьбы.
Косу Сатурна наостро отбил.
Умывался пальцем и каплей воды,
Одевался в камни нечистой воды.
Лил билионы распево, распесен,
а помер в бане и помер нетесно.

Писал

Не чернилом, а золотиписымом.

Тесал

Не камни, а корни слов,

Любил

Вер, Марий, Катъ.

Юго — плыл,

Наверно, не ариец — азиец
знать.

Выл человек в мире Велемир.

В схиме прелземшар с правом всепожара.

И над ним смеялись Осип Эмилич

Николай Степаным и прочая шмара.

И только Мария и море сине

Любили его как жнея и пустыня.

Мария Синякова — художница, сестра Оксаны. Я с ней знакома. Она до сих пор удивительно красива/.

Конечно, Вы знаете стихи: о камне в кольце ее. Если нет, то я напишу Вам их — дивные стихи. Михаил Фаб. Гнесин /тоже милый друг нам общий/ положил их на музыку. А вот Тихон мне:

Будто КАК МАДРИГАЛ

Привет Карениной Татьяне,
Сестре той Анны, лучше той.
Гуляющей в лесу, сидящей на диване,
Плывущей по морям и по реке простой.

Идет ей Псков старинным платьем,
Идет метро и самовар.
Пошли бы, впрочем, Орлеанской латы,
Камин — и в нем сияние дрова.
Пойдет и хохот злых русалок.
Идут жонглеры, фейерверк вещей,
Пойдет и желтый полушалок,
И виноград, и горка овсяей.

Идет ей жизнь. И чем теснее,
Тем ярче, лучше и честнее!

Москва 1938 г.

ПИСЬМО О
Тихоне
Чурилкине

Мотивы

Люди уезжают... Старый дом пустеет.
Холодом и мраком от громады вест.
Впадине окна в темноте зияют,
И на землю "стена" тень свою бросают.
— "Люди уезжают, — шепчут ветви
Старые деревья: — попрощайтесь с нами."
И доносит ветер те слова приветом,
Чтоб узнали люди вовремя об этом.
Люди уезжают... Старый дом темнеет,
И от всей громады больше грусти вест.
Чужды станут дому жизненные звуки,
И унает, старый, одиноких муки...

Настоящее письмо публикуется впервые — по автографу. Оно написано москвичкой Татьяной Ивановной Сухомлиной и адресовано поэтессе и издательнице нью-йоркского /позднее парижского/ журнала "Новоселье" С.Ю.Прегель. Три стихотворения, приведенных в письме, публикуются впервые.

Т.В.Чурилкин /1885—1944/ — поэт, драматург, критик. Как поэт впервые выступил в 1908 г. в "Изве" со стихотворением "Мотивы", которое в формальном смысле ближе к Плещееву, чем к любого рода модернизму.

"Мотивы" не включены ни в один из трех поэтических сборников Чурилкина и фактически относятся к разряду его неизвестных стихотворений и поэтому пользуюсь случаем, чтобы привести его здесь полностью:

ПИСЬМО О

Тихоне Чурилина

24 сентября 1968 года.

Дорогая, милая Софья Юлиевна.

Я не сразу ответила Вам про Тихона Васильевича Чурилина потому, что мне хотелось сделать это по-серьезному - ведь он и его жена Бронислава Иосифовна были нашими близкими друзьями - Цаплина и мои. Тихон умер летом 1944 года в больнице для душевнобольных, но как потом оказалось, он тяжело болел туберкулезом! Бронислава Иосифовна умерла несколькими месяцами раньше - шла война, она откуда-то вернулась усталая, легла уснула. Тихон три дня никому не позволял ее будить. Когда он понял, что она мертва - он перерезал себе вены. Его спасли и отвезли к Ганушкину, куда я ринулась, узнав об этом... Я тогда только что вернулась из эвакуации - из Сибири... С юных лет я часто твердила стихи про Кикапу: "Помыли Кикапу в последний раз" и т.д. Ну, наверно, их знаете... И вот в 38 году в Доме Писателей, где мы с Цаплиным были на каком-то вечере, нас познакомили с автором этого странного стихотворения! Тихон Васильевич был некрасив, но очень интересное лицо - смуглый как цыган, с иссиня-черными волосами, а Бронислава Иосифовна была горбатенькая, хрупкая с прекрасным тонким лицом, мудрая и тихая. Тихон Васильевич был образованнейшим человеком, необыкновенный рассказчик и по-моему талантливейший поэт. Мы четверо подружились - даже Цаплин, которому так редко, так скупо кто нравился, и тот пленился Чурилиным и Брониславой Иосифовной. Она была единственной женщиной, которую Цаплин называл "La majeste" и целовал ей руку. Да, да, этот русский мужик Цаплин. Впрочем, он был аристократичнее, ох, многих, многих, но о Цаплине как-нибудь в другой раз. Это талантище! Итак, Тихон стал писать мне стихи. Мы часто виделись. Они порой сильно нуждались - работала ведь одна она, художница и мастер на все руки, а Тихон не мог, не умел и действительно не мог зарабатывать, - тогда они переезжали к нам "гостить", чему мы всегда рады были и ужасно весело и уютно слушали вечерами рассказы Тихона Васильевича - Цаплин делал его портрет из камня - замечательно! /Я, как кончу письмо, посмотрю у себя в коробке и если есть переснятая фот-фия, то pošлю Вам/. Потом началась война... А еще за год то того мы, друзья Чурилина и почитатели его таланта, хлопотали, чтобы вышел сборник его стихов, и собрали сборник, но вышел лишь сигнальный экземпляр... Очень опечален был Тихон и все мы. Началась война. Перед тем, как мы уехали в эвакуацию, Тихон принес мне свою автобиографическую повесть "Тылу - Катань" - /название города/ - интереснейшая! Его 3 стихотворения, мне посвященные, и эта повесть, и письмо его, и книжки, мне им подаренные с его надписями - все сейчас в архиве Сухомлиных в Рукописном Отделе Ленинской библиотеки, так же как и моя о нем записка. Да, кстати, мне на днях звонили из Энциклопедии Писателей и Поэтов /Литературная Энциклопедия/ и спрашивали о Вас!!! Наверное, не одну меня. Я подняла подругу до небес дифирамбами, - словом, Вы там тоже будете фигурировать. Они как раз дошли до буквы "П". Бедный друг наш, милый, умнейший Тихон Васильевич тоже будет вписан. Боже мой, как щепит сердце, как вспомню его в

О Боже, словно отдала владения
ах ты ота пльмх чужакат, акача
славне по линеу дель, летя уом
под обаян, свивая славы об нам
о его владении, лица в тьму тьмы
члз пльм на Боги

"Слова о пльмх Игорев"

Ч у р и л и н а д р у ж и т ь : древне-тёмный лик и зрак, озарённый
грядущим.

Все древне-русское растворено в поэте. В его балзамически-
благовонной полной повести "Конец Кикапу" исконники русские и
тюрские спаены воедино. Как будто мы у истоков евразийских. Не-
постижимая судьба так накрепко и властно сковала наш общий путь.

Эта повесть полна прозрачного, словно этер, и тихострунного
лиризма, и в то же время в ней величие мудрой вешности. И в сти-
хах Чурилина, во всех трёх его книгах зрится тот же отблеск ико-

ны древней. В последней, однако, книге этот отблеск значительно
бледнее, и он не столь уже характерен для поэта.

В третьей книге, которой нам, к сожалению, не удалось видеть
напечатанной, дрожат космические отражения.

Старые, забытые слова, вторично рождённые, пылают с новорож-
дёнными в целостной совокупности.

Словно доменная печь - поэт; неустанно и непрерывно токи
прошлого и будущего входят в жерло. То искры яркие, то пепел
вылетает.

Тайнодействие поэта великолепно вскрывает слова Н о в а -
л и с а :

"Слова поэта - необшире знаки, - звуки они - волшебные слова,
прекрасные группы, движущиеся вокруг себя. Как одеяния святых
хранят ещё чудесную силу, так иное слово, освещённое каким-нибудь
великолепным воспоминанием, уже стало почти стихотворением. Для
поэта язык никогда не бывает слишком беден, но всегда слишком
бог. Его мир - прост, как и его инструмент, но также и неисчер-
паем в напевах".

- На полях с левой стороны на второй странице: "Написала бы еще много, да слишком толстое письмо получится. Татьяна."
- На полях с левой стороны на четвертой странице: "Увы, фотография Тихона у меня осталась лишь одна!"

Она на первой странице письма:
а Нат. Вл. Копрянскую передайте ей при-
ли она Дельмас? Я очень любила Дель-

- Приписано на полях с левой стор-
"Очень жаль мне, что не повидал
вет и очень привел Ифине. Знала
мас".

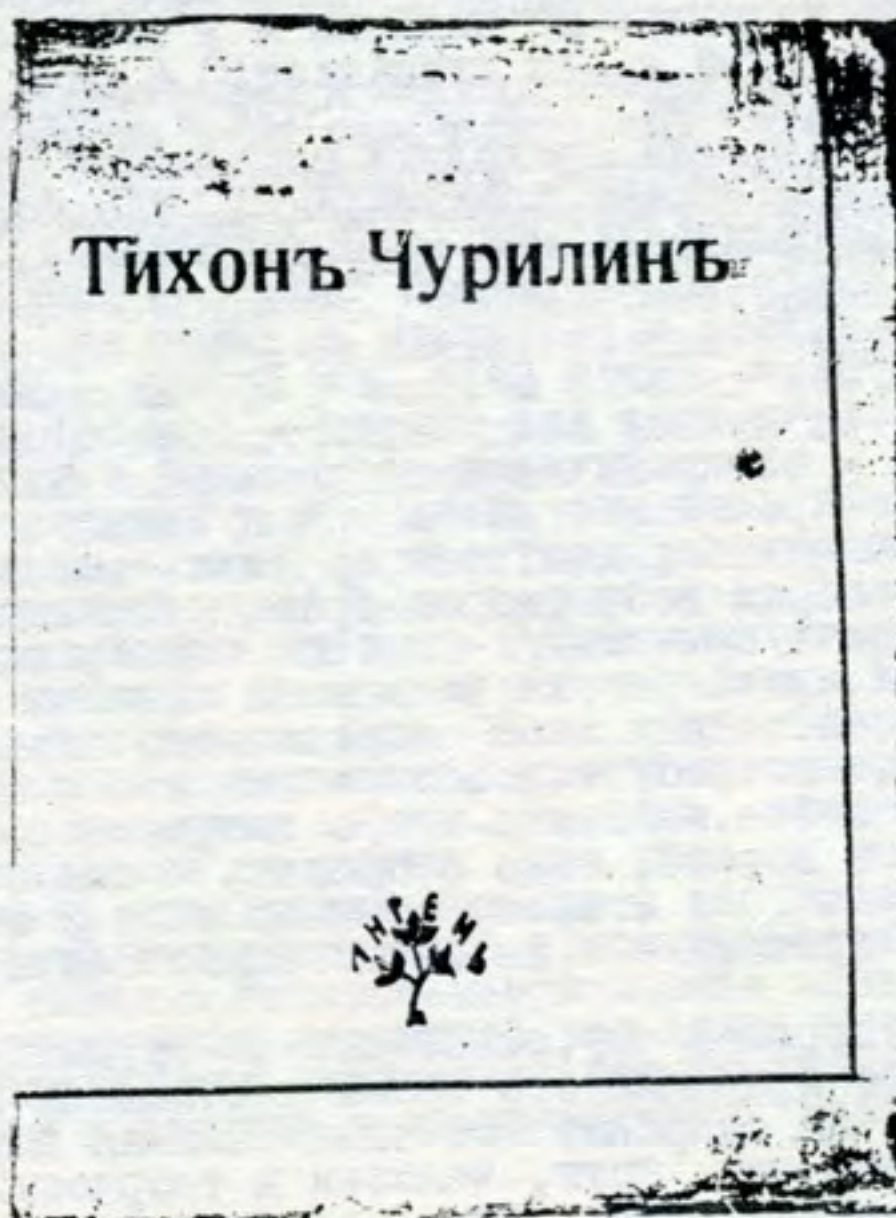
Он прозвал меня Карениной и уверял всех, что я - это Анна Каренина.

Татьяне Ивановне Карениной

Канал открылся водяной
В огнях московских, бедных и богатых!
И ты, как черный водяной,
Стояла здесь на суше чернотой
Сияя, будто вся в мехах ты,
Сияя, будто вся в слезах ты!
От радости прекрасной, плотной!
Канал и я черны водой,
Алмазы мы, сияя ночью,
Любовью, жизнью и бедой!
И если б захотела б ты - тобой
Сияли утренне и звездно наши очи!

Сокращаю.

Я любила наряжаться в старинные русские шуптаны и обвешиваться сереб-
ром старым - оно мне шло. У моих друзей есть сборник Тихона "Весна по-
сле смерти" - но это много слабее последующих его стихотворений. Если
хотите, я Вам оттуда перепису. Тихона очень любила Марина Ивановна
Цветаева - и как поэта, и как человека... Есть ли у Вас какие его сти-
хи, то Вы мне их напишите. Долго ли до Вас то мое письмо, где я прошу
Вас прислать мне "La Dame a la licorne" - хоть каталог из музея Cluny!
От вас за это время получила 4 книж. художников. Что за чудо Босх! Ста-
сибо огромное. Такая радость.

Первый сборник Чурилина - "Весна после смерти" - вышел в 1915 го-
ду тиражом 240 экз. М. Цветаева, зная Чурилина лично, считала его
гениальным поэтом. В своей высокой оценке Цветаева не была одинока,
хотя "гениальным" кажется, никто другой Чурилина не называл. В сво-
ем послании Чурилину она писала:

Было еще двое
Той же масти - черной молитвой сгасли! -
Лермонтов, Бонапарт.

Оценить его поэзию в какой-либо полноте до сих пор могли всего
несколько человек - лично его знавших; да, возможно, несколько чело-
век, допущенных к бумагам Чурилина в архиве. В большинстве литера-
турных справочников о нем мы не найдем ни слова. Собрание стихотворе-
ний до сих пор не было издано. При жизни вышло лишь три сборника. В
неопубликованной автобиографии Чурилин упоминает четвертую книгу

льно именуёт местная фауна - дарт мне на вид - 80 лет!!! А 3 месяца назад слала Бронка, т.к. мы начали уже сильно терпеть невзгоды - у ней опухли ноги - и хоть все вернулись в Москву, и даже у нас совершенно сменилось руководство в ССП, и, казалось бы, именно мне, писателю должно быть бы легче - но пока, нет, не легче. В несчастьи мы оказались, конечно, и лишними, и неудобными, не как когда-то в подпольное даже время в Крыму. И я, каксь, - ожесточился, т.е., оставшись, к счастью, вместе с Бронкой нерушимо, как были, гражданами, пламенно любящими свою великую родину, наше Правительство, Партию и дорогого нашего Спасителя Отечества - мы возненавидели крепко ту шкурную людскую сволочь, среди которой мы сейчас застряли и встряли даже во время такого фронта и Тыла! Никогда еще мы не видели такого шкурного бездушия и безучастия, в то время как и я и Бр.Ос. особенно, опустившись бытово по бедности, внутренне те же - что особенно больно и резко. /..../

7 апрель 1944

№2 - продолжение - вслед.

- остановился, "перевыполнив" лимит, и ведь столько хочется сказать именно тебе. Дорогие! Сдается, что вряд ли увидимся - а будь у нас с моей сестрой теперь девочкой, Бронкой, как у нас на Камушках говорят: средства - уж вырвались мы о хоть на мм-ое побыванье в заповедник, - обнялись бы, расцеловались, - полюбовались бы я на тебя, колтушевский рабочийчек и собрат во подлинной поэзии, на Сару - и уж выпили бы стакан вина и почитал бы я тебе и "Циолковского", и ту прозу, что зовется "Тяпкатань" - ту прозу и стихи, что 11 апреля 1935 г. собрали в Дом Маяковского в Ленинграде дорогое небывалое количество в том сезоне гостей - да каких! Сливки культурнейшего Ленинграда! 2 дня были и твои сестры, и дорогая Анна Евгеньевна и всколыхнули и встряхнули всех видно, т.к. в университете Ленинградском на Лит.-Ист. фак. была прочитана специальная лекция: "О новой прозе Т.Чурилина"! И как я читал! Аж древняя переводчица Ибсена старушка Ганзен - и то изрекла: "Не понимаю я в этой новой прозе и стихах, а вот артист гениальный в нем пропадает!" А речь професс. Эйхенбаума о том, что, вот, А.Белый, идя от Гоголя и Лескова, попал в тупик языка и формы, а Тихон Чурилин продолжил гениальное наследие в замечательном по языку, форме и образу произведении, творчески самостоятельном и пеннейшем!!! И эти март-апрель-май в Ленинграде! /..../

Что ж это был сон? А нынче камушкинский "дел", а ведь есть еще порох в пороховницах - только нельзя ж без конца держать его в сырости и забвении. Больше всего мучусь я, Лев и Сара, за Бронку - Вы-то ей пену знаете, она несравнимо богаче меня как творец - больше! а уж человек она была, есть и остается - апокрифически редкостный и чудный. А ныне: она и посейчас единственно красит мне жизнь - а я ничегосеньки-то не могу ей облегчить, а моя любовь без дел теперь, эххх, - ну вы-то сами знаете. /.../ Так вот, друг и собрат - брат-брат-брат, непризнанный поэт и науч. сотрудник. Лев Едрентьевич /помнишь?/ - я тебе постараюсь выслать заказ. бандеролью пеннейшую и музейную уже вещь - не пожалел бы! У меня есть сигнальный оттиск последней книжки - от непознанного поэта, и с условием после моего подыхания, буде потребуется, возвратить это в Лит.Гос.музей, где имеется или имела в сейфе половина моего творческого рукописного архива. Если не пропадет в дороге, надо бы послать - там есть что почитать. /..../ Крепко, еще горячо, по старому обнимаю тебя и целую; Бронка горячо целует Сару и тебя братски - я же почтительно целую материнские руки Сары, молча.

Привет бойцу Гене - здоровья ему, освободителю-труднику нашей земли от ненавистного, поганого и проклятого всеми настоящими на земле людьми - и дальнейших подвигов. Да сохранит его наша великая Нар-жизнь! Аминь.

Пиши скорей, откликнись еще, друг, человек и творческий рабочийчек Нар-жизни! Ждем, покедова живые. Ваши всем сердцем и душой

Бронка, Тихон

Письмо Л.Е.Аренсу

Письмо
Л.Е.Аренсу

Дорогие, милые, родные, — Сара и Лев Евгеньевич-свет;
— неожиданно-негаданно, как чудо-яко, пришло и получено сегодня же, средь
—дня, письмо, весть от друзей, когда-то ближайших, про которых часто,
светло и тепло вспоминалось и в наши на Бониках чудные времена, и в сии,
камушкинские: адовы/еще недавно! — и принесло оно прежде всего редкое
нынче у нас чувство — радость: что ты, Лев, — ты, Сара, и старший Ваш
сын — живы, есть на свете, — и что ты, Лев, — бодр, работаешь, да еще по
замечательнейшей в мире Колтушевской линии замечательнейшего И.П.Павлова
— ох, это здорово!! и это, в нашей сейчас с Бронкой жисти, такой непохо-
жей на довоенное наше богатое творчески/да и человечески!!/ время — на-
стоящая добрая прежняя богатая радость!!

Трудно мне сейчас писать очень немногим моим друзьям /в том числе и
Григорию свет Петникову/ — но тебе, Лев, и тебе, Сара, — видите: отвечаю
сразу, тотчас, — с вами обоими ведь связана моя, пережитая вместе, в Крыму
пламенная ювенилия, молодость!! — и еще от того, что много выхлебано и
хлебается нами напоследок сейчас горечи в отношении к "людям" — о вас же,
обоих, пела, как неопалимая купина, ясная, неомраченная и светлая память
о настоящей человеческой подлинной прекрасной дружбе — как заповедник!
И думалось часто, теперь, что это был сон, — нет, это была явь, Вы —
были, есть и, чур, — такие-ж: значит, — пел человек! только, сейчас, в этом
мы, лично, — сироты. Война застала нас в Москве: Бронку, после ее участия
на В.С.Х.В. в павильоне "Зерно": — вышивка шелком, панно, 3 вещи, изуми-
тельных и триумфальных, т.к. несмотря на некий "препедент", весь худо-
жеств. коллектив Выставки с гл. худ. Яковлевым /!!!/ и директ. Пыпиным, встан
на защиту в Правит. комисс. — и она получила "Отлично"!!! и меня, после
очередной, но самой большой катастрофы с книгой стихов, ктр. была напеча-
тана <во всем?> тираже, пройдя Главлит на сверхотлично и еще 2 раза —
план ЦК. ВКП/б/ — и не вышла в свет, хотя оставлена в б-ке Ленина, нашей
/и, кажется, и в Ленинградской/, где спокойно выдается в читальный
зал, да еще, как слышали, отправлена и в Британский музей по конвенции в
Лондон!! /посвящена Бронке, и ее чудненькая, хоть подмоченная в печати
обложка!!/

— Это я перенес еще мужественно и бодро. Весной, 1941 г. я поехал в Калу-
гу для сбора материалов по 2-му замечательному нашему Старичку — К.Э.
Циолковскому — о ктр. задумал написать настоящую книгу о его жизни, де-
лах и творческой астро-поэзии, встретил там радушнейший и чуткий прием
в Доме-музее, где работали 2-ое энтузиастов — и в семье К.Э. у его до-
черей и у общественных организац., собрал богатейший материал, порабо-
тал, видно, в последний раз — по слову! Сделал там же подробнейший план
книжки: "Гражданин Вселенной" в 3 част. и 32 глав и в мае вернулся в Москву,
где затянули /конечно/ рассмотрение плана вплоть до объявления войны —
и книга, конечно, была законсервирована. Но и тут я ухитрился написать
5 глав, кот., хотя и были "одобренны" Катаевым de officio на бумажке со
штампом вместе с планом — но Чурилину Тихону книгу закрепить не дали
/конечно/. Это был второй удар по черепу — за ним последовали тяжкие дни
бомбежек и подступов к ней злейшего врага — но и тут, с начала самого
войны и до отброса врага от Москвы я работал начал. штаба Домовой охраны
ПВО нашего участка, был членом Рев.-Военн. Дом. Совета и, не спавши почти
ок. 4-х месяцев, — разбил совершенно нервную систему, нажил обострение
возрастного склероза, испортил сердце. И вновь, после апрельского в 1942
году декрета Правительства об улучш. быта учен. и раб. искусств. и литерат.,
преодолея было болезнь, подправил питание и здоровье, а в августе, после
очень тяжелой личной ликвидационной процедуры неких семилетних нелег-
ких отношений плюс тяжелые бытовые-камушкинские наши условия плюс ухуд-
шившееся здоровье героически державшей как Атлас и скромный заработок,
и бнт Бронки, — доконали меня физически: вот уж год как я не выхожу в
Москву и превратился в дервиша и камушкинского "деда", как меня и прави-

родком. Под мышкой папочка с рукописями. Снег шёл большими хлопьями. "Есть письма месть..." — может быть, думал он и складывал: "Мой плач готов... и вьюга веет хлопьями... Я продырявлен копьями духовной голодухи..."

Петр
Митурич

О последних днях
Хлебникова

"...Малярня утихает дня на три. Велимир ободряется, бродит по городу. Как-то мы шли по Кузнецкому. Он остановился у витрины с модельными костюмами. Внимательно разглядывал их. "Я бы не от- казался иметь такой костюм. Мариенгоф хорошо одевается". Я же говорю ему, что его костюм соткан из нитей крайностей нашей эпо- хи. Более честной и прекрасной одежды, чем его иметь нельзя. На нём был сильно изношенный серый костюм Маяковского, ботинки воен- ного образца, серый суконный тулупчик Маяковского, тоже сильно поношенный, военного покроя, и круглая меховая шапочка".

"...Я отправился к Исаковым и просил, чтобы они дали подуш- ку. У них нашлась подушка, суровая, верно, но всё-таки подушка, и с ней и пищей я отправился к Велимиру, который должен быть уже дома. И действительно, он был дома. Разостлав бельё и рукописи, завернувшись в тулупчик, не раздеваясь, он лежал на кровати.

Велимир сказал, что он хотел бы послать в Астрахань матери немного денег. У нас было денег только на восьмушку чая, данные Маяковским 4 рубля. Велимир просил послать половину матери Ека- терине Николаевне. "Тогда, — говорит, — у меня развяжется узе- лок".

Екатерина Николаевна получила эти деньги с письмом на пере- воде, в котором я извещал её о болезни сына. Это послание потом оказалось последним приветом от сына. Эти 2 рубля ей не нужны были, но она понимала, что послано потому так мало, что и такие деньги у Велимира бывали редко.

Существование его протекало на подачках приятелей-друзей. Я снабжал его табаком-самосадам, привезённым из деревни, и зажи- галкой..."

"Велимир хочет уехать в Астрахань. Денег нет нисколько, и добыть их не представляется возможным. Тут я получаю отпуск из Пуокра и бессрочный... Я решил предложить ему ехать со мной на две недели в деревню Новгородской губернии, а потом ехать с ним

Действительно, Хлебников, безвременно скончался на чужби- не, вдали от друзей, родных, в отдалённой северной деревне Санталово, куда привёл его оказавшийся роковым случай. Но об- стоятельства конца жизненного пути поэта не несут в себе ни- какой "тайны". О них подробно рассказывают неопубликованные дневники и воспоминания художника Петра Митурича, оказавшегося единственным достоверным свидетелем последних дней жизни, кон- чины и похорон Хлебникова.

Публикация М.П.Митурича-Хлебникова

Это было в тяжёлом, голодном 1922 году:

"Ко времени моего приезда в Москву уже определенно Исаков исхлопотал возможность напечатания его [В.Хлебникова] работ. В то же время мы с Серёжей, раздобыв печатный литографский станок и поставив его в Университете рядом с чучелами носорогов и др. животных, принялись печатать первый "Вестник Председателей Земного Шара".

Радости моей не было конца, когда я смог пожать руку Велимира, слёзы душили горло, и я не мог произнести слова приветствия. Велимир сердечно тронут был моим волнением, и мы дружелюбно смотрели друг на друга. Тут, кажется, я впервые узнал о его семейном положении и сестре-художнице Вере Хлебниковой..."

"...Он стал посвящать меня в свои поэтические произведения, каждый раз давая при встрече новую рукопись для прочтения.

Так за четыре месяца нашего общения я познакомился почти со всеми начисто переписанными материалами, которые можно было печатать.

Ко времени моего приезда Велимир был водворён в комнату Спасского, художника, который скромно жил один без жены. И Велимир, постелив тулупчик на железную кровать, спал и работал, сидя на ней. Денег не было, издательские дела шли плохо. Напечатано было только стихотворение в "Известиях" - "Эй, молодчики купчики".

То, что намечалось печатать Исаковым, никакого аванса дать не могло. Требовалось даже вложить деньги за бумагу. Но Велимир шёл на все условия. "Мне, - говорил, - важно иметь сотню экземпляров печати, да себе 2 - 3 экземпляра".

И вот мы с Серёжей, переписав на камень "Вестник", оттиснули ему наконец сотню экземпляров. Он был страшно доволен. "Вестник" был большого формата, рисованный от руки на камне, был оригинален и ни на что из сущего в печати не похож.

Велимир к весне начал хворать. Персидская малярия давала приступы.

Помню, я встретил его на дворе его дома. Я пришёл со своей обычной корзинкой с обедом от Исаковых для Велимира. Его дома не было. Но по выходе из дверей я встретил его. Он шёл в расстёгнутом тулупчике, серый, с блуждающими глазами и трясущимся подбо-

Личность Велимира Хлебникова ещё при жизни была овеяна легендами, многие из которых, как, к примеру, миф о безразличии поэта к собственным рукописям, бытуют и теперь. Туманные легенды породила и безвременная кончина поэта. Юрий Олеша, а за ним Валентин Катаев писали, что никто не знает, где он умер, где похоронен, что было это где-то в степи...

Отсутствие достоверных свидетельств о последнем периоде жизни Хлебникова, о его кончине и похоронах и теперь порождают догадки, слухи, кривотолки и даже полемику.

ХЛЕБНИКОВА

родком. Под мышкой папочка с рукописями. Снег шёл большими хлопьями. "Есть письма месть..." — может быть, думал он и складывал: "Мой плач готов... и вьюга веет хлопьями... Я продырявлен копьями духовной голодухи..."

Петр
Митурич

О последних днях
Хлебникова

"...Малыря утихает дня на три. Велимир ободряется, бродит по городу. Как-то мы шли по Кузнецкому. Он остановился у витрины с модельными костюмами. Внимательно разглядывал их. "Я бы не от- казался иметь такой костюм. Мариенгоф хорошо одевается". Я же говорю ему, что его костюм соткан из нитей крайностей нашей эпо- хи. Более честной и прекрасной одежды, чем его иметь нельзя. На нём был сильно изношенный серый костюм Маяковского, ботинки воен- ного образца, серый суконный тулупчик Маяковского, тоже сильно поношенный, военного покроя, и круглая меховая шапочка".

"...Я отправился к Исаковым и просил, чтобы они дали подуш- ку. У них нашлась подушка, суровая, верно, но всё-таки подушка, и с ней и пищей я отправился к Велимиру, который должен быть уже дома. И действительно, он был дома. Разостлав бельё и рукописи, завернувшись в тулупчик, не раздеваясь, он лежал на кровати.

Велимир сказал, что он хотел бы послать в Астрахань матери немного денег. У нас было денег только на восьмушку чая, данные Маяковским 4 рубля. Велимир просил послать половину матери Ека- терине Николаевне. "Тогда, — говорит, — у меня развяжется узе- лок".

Екатерина Николаевна получила эти деньги с письмом на пере- воде, в котором я извещал её о болезни сына. Это послание потом оказалось последним приветом от сына. Эти 2 рубля ей не нужны были, но она понимала, что послано потому так мало, что и такие деньги у Велимира бывали редко.

Существование его протекало на подачках приятелей-друзей. Я снабжал его табаком-самосадам, привезённым из деревни, и зажи- галкой..."

"Велимир хочет уехать в Астрахань. Денег нет нисколько, и добыть их не представляется возможным. Тут я получаю отпуск из Пуокра и бессрочный... Я решил предложить ему ехать со мной на две недели в деревню Новгородской губернии, а потом ехать с ним

Действительно, Хлебников, безвременно скончался на чужби- не, вдали от друзей, родных, в отдалённой северной деревне Санталово, куда привёл его оказавшийся роковым случай. Но об- стоятельства конца жизненного пути поэта не несут в себе ни- какой "тайны". О них подробно рассказывают неопубликованные дневники и воспоминания художника Петра Митурича, оказавшегося единственным достоверным свидетелем последних дней жизни, кон- чины и похорон Хлебникова.

Публикация М.П.Митурича-Хлебникова

15.У. Прибыли на ст.Боровёнку Н.Ж.Д. в 4 часа.

За 8 аршин сатина наняли подводу в Тимофеево.

Велимир почти весь путь до второй деревни ехал. Делали привал и ночевали.

Дорога весьма трудная, испортившаяся от продолжительного дождя.

16.У. Продолжали путь. Велимир много шёл пешком, т.к. лошадь едва тащила наши пожитки.

Наняли новую подводу до Санталова. Велимир почти половину пути ехал на двуколке, на вещах, сам правя, но неудачно. Очень часто наезжал на камни и попадал в ямы, так что наконец упал с двуколки. Пришлось взять вожжи мне и всё время поддерживать двуколку в опасные моменты.

К вечеру прибыли в Санталово. Весь путь в 37 вёрст от Боровёнки очень труден.

16.У. Знакомство с обитателями школы.

Переодеваемся, отдыхаем, едим, устраиваем Хлебникову комнату. В.В. вечером трясло и знобило. Принимал хину.

День солнечный, прохладный.

17.У. В.В. был в лесу с Васей, собирал грибы, клюкву в болоте и муравьёв в бутылку. Работал.

Озноба не было.

День солнечный.

Раскладывал свои рукописи на лежанке и приводил их в порядок. Ненужное бросал в печку: "Я уничтожаю черновые варианты".

18.У. Пил муравьиный спирт, который сам выжимал (с моей помощью). Выпил полстакана.

Лихорадка не возвращалась.

Работал у себя. День солнечный.

"Мы поедем на юг — там много птиц, будете наблюдать".

Мы лежали на траве, дети бегали обнажённые. О Маше: "ангел-чик".

в Астрахань, или ему одному, как придётся.

Велимир соглашается. Делаем сборы. Я продал кое-какие вещицы, чтобы побольше закупить еды в виде селёдок, сахара. Но нужно брать как можно меньше вещей, так как от станции Боровёнка до села Санталово 40 вёрст, которые нам нужно пройти не торопясь.

Велимир собирает рукописи и переносит со мной на Даев пер. д.9, к родным жены, откуда мы должны двинуться на вокзал. Мешок с бельём и мешок с рукописями оказались очень тяжёлыми. С таким грузом идти нельзя. Бельё нужно взять — там помогут и почистят женщины. Рукописи предлагаю оставить в Даевом пер., где они, конечно, будут в полной сохранности до его скорого возвращения. Велимир категорически не соглашается. Он их нёс в Персии, на Кавказе, донёс до Москвы и тут не желает с ними расставаться. Я понял его чисто физические труды, которые совершил он уже для того, чтобы донести свои мысли людям."

"... Я не сомневался, что Велимиру всё это [новгородская природа] понравится и он не пожалеет, что отправился, но вышло иначе. Там он погиб.

Как-то мы шли с Велимиром по улицам Москвы. Он вёл отрывочную беседу о временных закономерностях отдельных личностей. Говорил, что ему нужен секундомер для исследования коротких кусков времени перелётов настроений человеческой души. Он сделал такое замечание: "Люди моей задачи часто умирают 37-ми лет; мне уже 37 лет". Какое мрачное соображение. "Я побаиваюсь за ваше здоровье, но теперь, видно, гроза прошла и вы поправитесь. Законы могут угрожать, но не непременно смертью". И думать не хотелось о возможности гибели Велимира. Но он был печально спокоен и молчалив."

Дневниковые записи П.В.Митурича, 1922 г.:

"14.У. Отбыли из Москвы в деревню. В полночь заняли место в товарном вагоне, сами принесли доски из соседнего вагона и строили нары. Дождь. Холодно. Велимир ёжился в своём тулупе и дремал, полулёжа на нарах. Раздражали его вновь приходящие пассажиры, требовавшие себе места, неохотно уступал напору.

Всё время идёт дождь.

27.У. По просьбе больного парили ноги в кадке с заваром сена.

Везти в больницу никто не соглашается (запоздавший сев мешает).

Ноги пухнут. Велимир пьёт всё больше. К вечеру чувствует себя очень плохо. Фёдор Васильев обещал завтра утром ехать в больницу.

На вопрос мой, сообщить ли родным о его болезни, ответил: "Родным хорошо сообщать о здоровье. А кроме того, это очень далеко."

28.У. Воскресенье. Солнечно.

Велимира одели, положили на сено на подводу. Медленно двигались в Кресты.

Не хотели принимать в больницу — клинический больной, но после моего объяснения положили.

Осмотр отложили на завтра — больному нужен отдых после пути.

Велимир очень ослаб за дорогу. Спал.

Приходили женщины, милосердия ради подавали больным масло и яйца. Велимир с удовольствием принял дар.

29.У. Осмотр Велимира врачом. (Женщина-врач Бассон). Велимир рассказал, что он спал на земле, у него лихорадка персидская. Врачиха предположила, что через неделю больной оправится от простуды, тогда можно будет начать курс лечения. Теперь нужно прочистить желудок.

Пришёл фельдшер Мухин.

Велимиру стало лучше. Он заснул.

Дождь.

31.У. Хлебникову лучше. Температура спадает.

Условились с сиделками и фельдшером Мухиным относительно ухода. Сиделкам обещали доставлять хлеб и, кроме того, плату; фельдшеру — плату, какую он назначит.

Мною решено сообщить о болезни Велимира в Москву и Питер, чтобы там позаботились о месте в клинике и собрали нужные средства на лечение, а через неделю уже двинуться самим.

Сообщить Маяковскому и Кручёныху Велимир отклонил. Городец-

**Пётр
Митурит**
О последних днях жизни
Хлебникова

Мы его свезли в Крестецкую больницу и там положили. Врач говорит, что его ещё можно поставить на ноги, но... но необходимо следующее: оплата за уход, лечение и содержание больного, так как больница переведена на самоснабжение, и потом необходимые медицинские средства...

Итак, нужна немедленная реальная скромных размеров помощь, иначе ему грозит остаться без медицинской помощи..."

Письма
Митурича

последних дней жизни
Николаева

19.У. Лихорадка не появлялась. Много работал. Гулял. Хорошо все дни ел.

Утром наблюдал танцы "дикарей" - детей, которые под стук деревянной палки о доску, подвешенную на шее, танцевали боевые танцы индейцев.

20.У. Заметная слабость в ногах - непрочны на них держался. Пил черничный отвар.

22.У. Велимир держится на ногах ещё хуже. Работал за столом.

23.У. Слабость в ногах ещё сильнее. Боли нет. На предложение лечь в постель отказался.

После обеда пошли на речку. Тепло, солнечно. Велимир шёл, опираясь на мои плечи. Сел на берегу на овчину. Я ему изготовил удочку ("удочка прекрасная"), накопал червей. Велимир увлёкся удачным ловом и считал пойманных рыб (два штуки). Ловил выдержанно и ловко.

Перестало ловиться, решил перейти на другой омут. Я ему сделал палку для опоры. С её помощью он прошёл по крутому косогору.

На мои вопросы, что он сам думает о своём здоровье, ничего определённого не ответил.

Машка заметила: "Хлебик больная".

24.У. После обеда вместе с Фопкой носили его на руках в баню. Парил его горячо. После бани крепко заснул. Ночью спал.

25.У. Принял глауберовой соли - действия не оказала. За доктором послать не нашли подводу.

26.У. Ездил Иван Иванович Иванов в Крестцы за медиком. Врачи и фельдшер отказались ехать - не их участок.

Много спал, состояние апатичное, дремал. Просил согревать ноги. Клали бутылки с горячей водой, обёрнутые бельём.

Выразил желание побывать в Астрахани: "Повидать родных, что они делают".

"Дорогой

Николай Николаевич, беда большая, Велимир разбит параличом, пока что отнялись у него ноги. Приехал ко мне в деревню и начал было оправляться от малярии, которая его нещадно две недели трепала в Москве на Пасху, а спустя неделю начался медленный паралич, который уже к 24-му числу его окончательно приковал к постели.

Из письма П.В.Митурича
к Н.Н.Пунину

1 июня 1922г.

6.УІ. Виктору Владимировичу ещё хуже. Жар сильный. Пролежни. Сажал его на кровати, подставив за спину табурет. Каждое движение "неприятно". Велимир за всё время болезни ни разу не сказал "больно" - говорил "неприятно".

7.УІ. Санталово.

Оля и Фопка вернулись со станции. Кассир не дал билетов по тем документам, которые у них были. Письмо послала только в Петербург Пунину. Московские оставила на станции вместе с вещами.

70-верстовым переходом натёрла ноги.

Готовлю новые письма в Москву.

8.УІ. Прибыл милиционер арестовать меня по предписанию Уезда. Арест отменён.

9.УІ. Здоровье Велимира очень плохо. Развивается гангрена. Состояние душевное беспокойное.

10.УІ. Руками владеет хуже. Движения ещё более затруднены. Приподнял повязку: "гангрена".

Всякое движение настолько болезненно, что глаза у Виктора Владимировича вылезали из орбит, выражая ужас, но он не кричал и только дыханием произносил "ой, ой, ой".

"Я путаю бред с явью..."

Врач говорит, что дальше держать больного в больнице бесполезно. Сиделка и дворник отказываются хорошо, как это нужно, за ним ухаживать.

11.УІ. Посланы провизия и питьё.

Велимир просил крестьянина везти его в Москву и на Кавказ. "Жалко беднягу, на чужой стороне помирать приходится".

12.УІ. Хлебников переведён в отдельную палату с отдельным входом.

13.УІ. Навещала дочь О.К., приносила еду и цветов.

15.УІ. Рана на бедре глубокая.

"Больше я никогда не поеду на север..."

язык. Речь совершенно непонятная, едва пьёт, дышит с трудом, в горле клокочет.

"Уже ходит "хорохоль", - сказал один старик-мужик - предсмертное дыхание.

Ему уже ничего, конечно, не нужно. Но теперь наступит другая задача: собрать всё его творчество, которое потерпело "страшный разгром", как он говорит, за весь его жизненный путь.

Велимир во многое меня посвятил и просил устраивать ему полное собрание его сочинений, дал мне список своих сочинений и указал некоторый порядок их, только вот моё невежество значительно меня обезоруживает, и я, без Вашей помощи, друзья, не смогу выполнить эту задачу.

Спасибо Вам за беспокойство, любовь и добрые пожелания, при этом Вашим непременно воспользуюсь, также прошу ко мне, если кто может.

Привет женам и детям.

Ваш П.Митурич

26/УІ 1922

Крестцы Новгород. губ. дер. Санталово

кому? — тоже. Пунину, Андриевскому? — никому не надо.

Я настаивал на том, чтобы сообщить Пунину и Андриевскому. "Пишите, но только, чтобы требования были возможно скромнее". Сколько, вы полагаете, нужно денег? — 150 — 200, если всё платно.

Просил его самого написать кому-либо с указанием на то, что я беспомощен.

Велимир написал записку знакомому врачу в Москву приблизительно такого содержания: "Обращаюсь к Вам за медицинским советом. Я попал на дачу... прошёл 40 вёрст, спал на земле и потом лишился ног. Меня положили в Коростецкую больницу. Желал бы лечиться в Москве, как это сделать?" Адрес он мне сказал.

Велимир не был доволен обстановкой. В своём письме к доктору он назвал больницу Коростецкой больницей, заменив производное слово "Крестцы" словом "короста". В этом корне слова "короста" звучала характеристика края и его учреждений. Но ничего реального и более удовлетворительного не видно было на горизонте, и он подсказать не мог.

Курил реже. Неохотно менял положение. Пил по-прежнему много. Ноги опухли ещё больше. Лицо сильно осунулось.

Ушли в Санаталово. Непрерывный дождь.

I.VI. Пишу письмо в Москву Городецкому и Андриевскому и в Питер Пунину и вместе посылаю письмо Велимира доктору.

Продолжительный дождь.

2.VI. Навещал Хлебникова Фёд.Вас., отвозя свояченицу в больницу.

4.VI. Отбыла Оля с письмами и Федосья.

5.VI. Я в Крестцах. Здоровье Велимира ухудшилось. Температура 39,9. Большая перемена в выражении лица. Состояние душевное мрачное. Ест плохо. Пьёт ещё больше.

Меняли матрац. Велимира посадили на табурет. Он прочно сидел, держась обеими руками, и очень долго не хотел ложиться. "У меня ещё много времени, мне некуда торопиться".

Петроград, Инженерная ул., кв.5

Пунину Н.Н.
(для Л.Е.Аренса)

Дорогой, золотой Лёва Евгеньевич!

Верно, я не получил Вашего письма и не подозревал даже, что Вы так близко около Пунина. Очень рад, что это так, но почему Вы не могли писать, неужели тоже хвораете, трудно? У Вас, поди, молодёжь растёт! Ну, это я после узнаю.

С Хлебниковым вот как. 23-го в больнице окончательно решили безнадёжность положения Велимира и сомневались даже, что я его довезу по деревни (15 вёрст). Но сам он желал очень этого и с трепетом ждал часа отъезда из больницы. Я его помыл, переодел в своё, причём он настаивал, чтобы ему одели ботинки и сапоги, что, конечно, не было осуществимо, т.к. не на что одевать, у него уже выпало мясо около тазобедренного сустава и обнажена кость. Вообще разлагается невероятно быстро, так что думать о приостановке процесса нельзя (мнение врача больницы Бассон). Сегодня третий день, как он проводит у нас. Головы не поднимает. Распухли ноги,

XXIV

Облик КА!

1 Образы розовые венера абланы
~~лаком~~ ^{кровоциви} ~~абрызжаны~~
~~соловьиным котельным~~ ~~прожужаны~~
 4 Знаком берюзовым
 голубеет облик КА!

15/2

2 Лаком тогто кровью абрызжаны
 3 Соловьиным котельным прожужаны

*) Ка - двойник души.

ках. Палки носилок привязали крепко верёвкой к кузову подводы, под голову положили подушку, накрыли его тулупчиком и тихо двинулись в путь. Ехали медленно и осторожно.

При каждом толчке Велимир тихо стонал. Изредка открывал лицо и из-под тулупа, шурясь, озирался.

К вечеру прибыли в Санталово. Вся деревня сбегалась смотреть. Многолюдный говор тревожил Велимира.

Я пригласил молодцов помочь осторожно снять Хлебникова и перенести в баню, где мною было сколочено ложе из II поперечных досок и двух продольных, а женщинами приготовлены два матраца. На окне стоял жёлтый кувшин с цветами.

46.
XVI
—
1

35
Григорий Сковорода.

см XVI₂ Во свитке с видлагою,
на стр И с дудкой в устах
41. Сторгой за сийною,
и в пашиней в руках
Городил мудрец-Сковорода Григорий
Среди украинских нагорий.

И я, как предпранный
Толку свидетель — звети цукорий,
Многу правед тебе дорожний
Пейников Григорий!

11 июня 1928.

16.VI. Душевное состояние спокойнее.

20.VI. Письмо и квитанция от Пунина.

22.VI. Я сказал, что завтра приедет Фёдор Вас. и свезёт его в Санталово.

Ел очень мало. Язык чёрный, вспух.

23.VI. Приехала подвода. Я обмыл раны чистой водой и тряпкой. Одели рубашку, жилет, пиджак, шапку, положили на стол и стали заворачивать ноги. Завернули в одеяло и понесли на носил-

Положите, как будете на могиле А.А. в Комарове
и от меня цветы...

Вы знаете, как это приятно. Прими
этот знак. Знаю, что вы не забудете.

27-5-66

Внб / IX 1966

Вот и весна на исходе, и на пороге:

"лето Господне, благоприятное" - дорогой

Лев Евгеньевич, пожелаем друг другу,

чтобы оно и было таким...

Но мое это возможно будет в начале,
как предполагал, беспокойным. А потом-

Мне захотелось не откладывая! / от-

ветить на Ваше подробное послание, а к

тому же оно и об Анне Ахматовой, кот.

я знал молодой еще, - было это на кв. Ник.

Ник. на Фонтанке, давно тому назад, ког-

да он / Н.Н. / вернулся из своего япон-

ского путешествия... А до этого я гостил

у него, когда он ведал Русским Музеем.

Недавно я писал о нем, его вспоминая...

Понимаю и Вас, И Сарру Иосифовну,

членов семьи покойной Анны Андр.

И у нас не будет наверно, долгое время

26.VI. Хлебникову хуже. Затруднённое дыхание. Пил жадно нас-
тойку. Не ест ничего. Речь едва понятна.

Велимир ушёл с земли в 9 часов 28 июня 1922 года в деревне
Санталово Новгородской губернии Крестецкого уезда.

Рано утром его навещала Фопка и будто бы спросила: "Трудно
тебе умирать?" (она всем говорила "ты"), и будто бы он ответил
ей: "Да".

24.VI. Пил рано утром молоко. Очень ослабел, но пил из чашки сам.

Я получил от Пунина письмо, катетер, лекарства и показываю: "Что пишет?.." Пишет, что в Петербурге весь литературный мир относится сочувственно, есть деньги на лечение и место в больнице "Значит, можно ехать!.."

25.VI. Вася принёс васильки и поставил отдельно рядом с букетом. "В цветах вижу знакомые лица.." "Я знал, что у меня выдержат дольше всего голова и сердце..."

Ночью прилетала ворона и стучала в окно. Я отогнал её.

П.И. Глиголий
П.И. Глиголий

письмо Л.Е.Арену 1966г..

П.Т. Лигоний
Гетников

письмо Л.Е.Аренсу
1966г.

№ 30-ые лет, и нынешние, этих годов,
написанные уже в Крыму....

/Если нетрудно, пришлите фотокопию с Вашей
группы ~~столова~~ Фонтанного Дома, кот.
я так хорошо почему-то помню... /

Жива ли Анна Евг. и Вера Евг. ? Если живы
где они - привет от меня.

Я, знаете, рад, что не под Москвой ныне
живу, труден был там климат, долгая -
особенно ~~после войны~~ ~~и отойдя далеко на запад~~ ~~и отойдя далеко на запад~~
предолгая зима, и сурово; но леса, леса
моя так часто ~~вспоминаю~~ вспоминаю, весенние, лет-
ние, и ~~волшебное~~ осенние, Вы представляете
себе их, конечно. А что в Борисовке на-
ше? Слышно ли оттуда какие-нибудь голо-
са? Напишите об этом - как будет вдохно-
венье или - время.

Дочь моя Марина трудится на ж. д. -

живет / неустроенно очень - пока что, но
надеюсь, что смогу ей помочь, принимая
всяческие меры для этого /

Фопка, как положено, пришла обмывать мёртвого. Когда мы от-
крыли тело Велимира, то она в ужасе всплеснула руками: "Бедный
страдалец!" Потом, приподнимая тело для переодевания в чистое
бельё, она произнесла заклятие: "Не пугай меня, не пугай ночами!"

"Обрядив", мы понесли труп Велимира в школу. Он так был тя-
жёл, что я едва мог передвигать ноги. Там мы положили его на одр,
покрытый соломой, и прикрыли простынёй. Я сделал ещё рисунок с
уже мёртвого учителя.

такого подлинного и вдохновенного поэта, ибо она прожила больше и трудную жизнь, чем многие поколения... свет!... из тафты, а, блоковская чистота и стихи, начиная с 20 гг.

каким она была, и останется: больше за- душевные слова не забываются людьми дол-

гие, многие поколения... свет!... из тафты, а, блоковская чистота и стихи, начиная с 20 гг.

и написанные потом, то пережитое, что сложилось в печальный, но величественный реквием, как и музыка Шостаковича, его 5 Симфония.... вот так....

В них убрано все лишнее, оставлено иска- зано только то и только так, как необхо- димо. Следуя мудрым законам, о кот. вы хорошо знаете.

Вотает на Вас столь подробный отчет " напишу Вам неск. строчек о себе:

вышла книжка - Антология моя " Сказки ее тираж оч. большой, она не залежалась в книж. лавках, а касса украинские / народные / и легенды"; как

будет дополнит. тираж этого сборника,

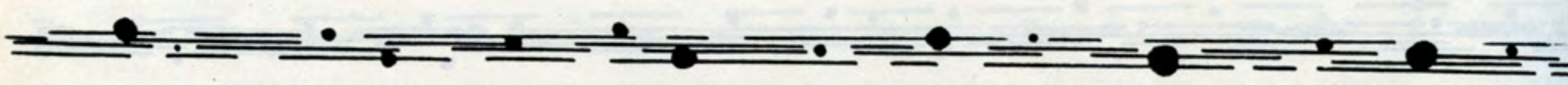
если угодно, пришлю Вам, С.И. и Ири- не, это, видно, в июле будет.

Готовлю как раз теперь / и вот, чтоб на- писать Вам ответ, отложил на часок мою рукопись " Птиц на рассвете " / книгу стихов; - в ней будут ранние вещи,

Когда утром я пришёл к нему, то Велимир уже потерял созна- ние. Я взял бумагу и тушь и сделал рисунок с него, желая хоть что-нибудь запечатлеть. Правая рука у него непрерывно трепетала, тогда как левая была парализована.

Ровное короткое дыхание с тихим стоном, и через большие про- межутки времени полный вздох. Сердце выдерживало дольше сознания. В таком положении Велимир находился сутки и наутро в 9 часов пе- рестал дышать.

...иногда в Барок, в сельсовет, за 3 - 4 версты. Там мне говорят, запинаясь, что-де тоже не знают, как поступить, у них первый случай, когда хоронят "гражданским браком". И это была не оговорка случайная, а все присутствовавшие там мужики принимали участие в обсуждении вопроса и не однажды употребляли выражение "гражданским браком". Очевидно, оно у них имело универсальный смысл действия вне церковных обрядов, чего бы вопрос ни касался.

Тогда я отправился в Барок, в сельсовет, за 3 - 4 версты. Там мне говорят, запинаясь, что-де тоже не знают, как поступить, у них первый случай, когда хоронят "гражданским браком". И это была не оговорка случайная, а все присутствовавшие там мужики принимали участие в обсуждении вопроса и не однажды употребляли выражение "гражданским браком". Очевидно, оно у них имело универсальный смысл действия вне церковных обрядов, чего бы вопрос ни касался.

письмо Л.Е.Аренсу
1966г.

Принято узнать, что Вам науч.-статист. печатаются
также, конечно, что все остальные лежат под спудом.
Мне хотелось бы двинуть в печать
что-нибудь из оставшегося наследия поэтич.
Тихонравова, давал уже трижды / и в журнал,
и в сборник поэзии, здешний крымск. и
моск.-; молчат, я не печатают - это понят-
но, если считать, что существует зависть etc.
и талантов частенько не любят и отталики-
вают, - бывало и хуже...

... Был ненастный день. Дождь то моросил, то лил. Когда я пришёл в деревню Ручьи, где были погост и церковь, за 12 - 13 вёрст от Санталова, и обратился к священнику с этим делом, то он, узнав, что похороны намерены совершать без церковного обряда, сказал, что не допустит покойника на православное кладбище.

И на груди ее булыжной
Блестит роса серебряным сосном.

"Не было ребёнка, не было существа такого
на свете, которого бы я так нежно, так
страстно любил, и, о ужас!"

Я им заявил, что с большой охотой похороню своего товарища в лесу, пусть только председатель сельсовета укажет, где это можно сделать, и даст своё письменное разрешение. Тогда он сдался и решил, что нужно похоронить тело на кладбище в Ручьях, и пишет резолюцию. Когда я обратно являюсь к священнику — привезли Велимира и ждут меня. Я показываю письменное разрешение... Священник соглашается на похороны, но ни за что не позволяет пронести гроб через ворота погоста. Вокруг погоста каменная ограда. Священник указывает, что с задней стороны ограда низкая и можно легко перенести гроб через неё.

Там гроб переносится, и тут же, у задней стены ограды с левой стороны, роется могила. За рытьём могилы я рассказываю парням о некоторых больших идеях Велимира, заключённых в его сочинениях, чтобы они лучше знали, кого они хоронят.

Вырыли небольшую могилу между елью и сосной. Опустили гроб и засыпали.

Сделав засечку на ели, обнажив древесину её, я сделал надпись о покойнике. На песчаный холмик воткнул большую ветку сирени. Как говорили потом, эта ветка прижилась и пошла в рост."

"Не было ребёнка, не было существа такого на свете, которого бы я так нежно, так страстно любил, и, о ужас!"

рис. П. Митурича

Петру Митуричу благодаренье
За Хлебникова том второй творенье.

Искусный мастер наш Дедал
Благодарю тебя Митурич
За то, что Велемира дал
Путь указавший лазурич!

Вел.

14.II.30.

17

Петру Митурингу благодаренье
За хлебникова том второй ивденье

Искусный мастер наш Федан
Благодаря тебе Митуринг
За то, что Велемурза дал
Путь указующий лазуринг!

14/30

AKT

о ликвидации временных нетитульных приспособлений и устройств по участку № 365 ± 48

„16“ января 1984 г.

Комиссия в составе: председателя Мирзаева Арсека Магомедовича
Павловича, членов комиссии Клошова Александра
и Ивановой Елены Альфредовны

осмотрела: КНИГУ сию ("Теория и практика
Игры в аду"), Ж; К 80-летию
РУССКОГО АВАНГАРДА.)

! ! !
B C E ! ! !

Комиссия нашла: ЧТО? - Комиссия всё нашла. Ничто не укрылось от зоркого глаза Комиссии. ИЗБАХ!

Заключение комиссии:

Гойко смитич! (все очень хорошо, →
→ за исключением: 1. Левая сторона стоит на
месте правой стороны. 2. И НАОБОРОТ!
3. Книга исполнена в концептуальном ключе, но
принцип зеркальной рифмовки материала, положенный
в основу настоящего издания, не всегда соблюдается
должным образом. 4. В КНИГУ не вошел ЦЕЛЫЙ
ряд ценнейших материалов, что уменьшило ее научную
ЦЕННОСТЬ, но послужило большей
целовкостью издания. 5. И т.д.
6. : ↔ 2 : III etc.

ВЫВОД

Председатель комиссии II нецелесообразную.

Председатель комиссии

Члены:

